

АВСТРИЙСКАЯ ПЕХОТА И ГРЕНАДЕРЫ

1788-1816

ЭПОХА НАПОЛЕОНА

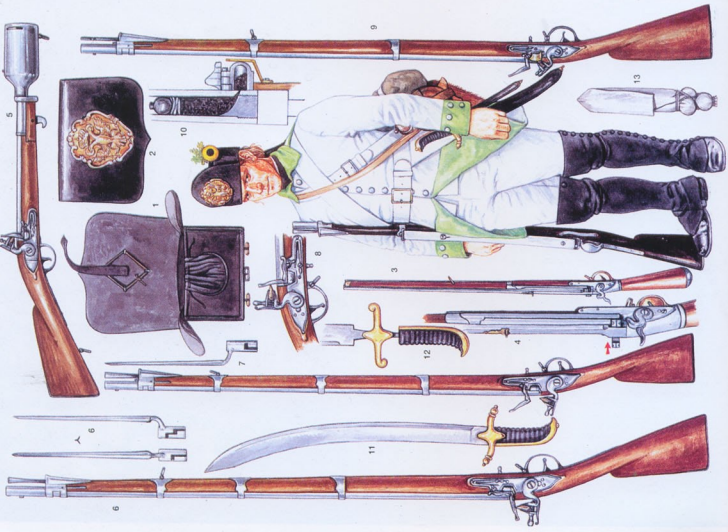
СОЛДАТ

НОВЫЙ

№53

Венгерский пехотинец, 1798-1810 гг.

Немецкий пехотинец, 1788-1798 гг.

Ничто так не объясняет настоящее, как знание прошлого...
Полибий

Австрийские пехота и гренадеры

1788 - 1816 г.г.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

новый **СОЛДАТ**

№ 53

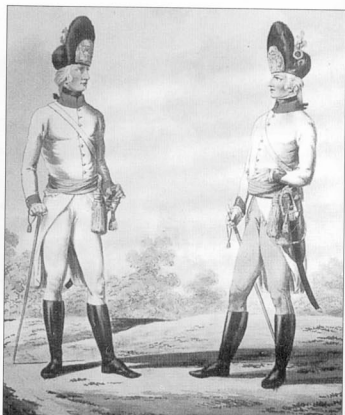
Австрийские войска принимали более или менее значительное участие во всех основных кампаниях эпохи Революционных/Наполеоновских войн, за исключением Полуостровной войны и кампании 1807 года в Пруссии. Несмотря на то, что до мая 1809 г. Австрия постоянно проигрывала войны с Наполеоном, австрийская армия, под командованием таких полководцев как эрцгерцог Карл и Пауль Край, на протяжении этого периода все же наносила французам отдельные поражения.

Подобно двулкому Янусу, Австрия приходилось проявлять бдительность одновременно в двух направлениях. Если с Запада постоянно чувствовалось давление Франции, то на юге ей противостояла Османская Турция, граница с которой проходила по рекам Дунай и Сава. Хотя угроза со стороны турок в значительной степени уменьшилась как раз перед началом Революционных войн, именно тогда австрийские войска были вовлечены в трехлетнюю войну с ними. Основной ударной силой турецкой армии была конница, характерной чертой которой была большая мобильность. Поэтому методы борьбы с азиатским противником сильно отличались от используемых против европейских армий, где основу составляла пехота; так что австрийским войскам приходилось обучаться двум различным тактикам.

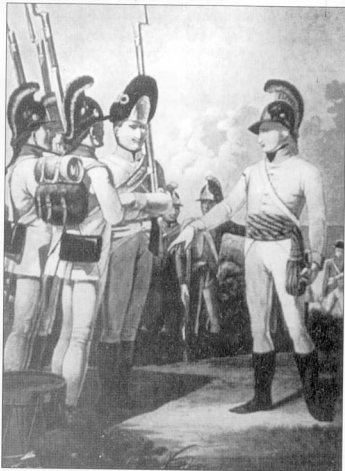
Не имевшей возможности использовать полностью мобилизационный потенциал своего населения, как по политическим, так и по экономическим причинам, Австрия к тому же приходилось рекрутировать новых солдат на столь отличающихся друг от друга территориях как Бельгия, Богемия (современная Чешская республика), Центральная Румыния и Северная Италия, к которым добавлялись волонтеры из Южной Германии и даже немногочисленные ирландцы. Простой солдат мог обнаружить себя сражающимся в любом месте в пределах части европейского континента, простирающейся между Белградом, Киевом, Брюсселем и Миланом, среди столь различных ландшафтов, как болота в долине реки По и скалы швейцарских Альп. Характер боя мог меняться от формального маневрирования согласно канонам линейной тактики на равнинах Бельгии до отчаянных рукопашных схваток в горящих селениях у Асперна и Ваграма.

Хронология 1788-1816 гг.

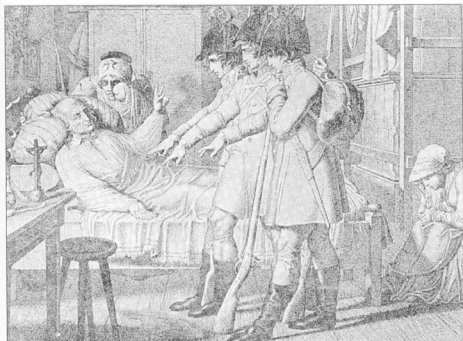
- 1788
- Война против Турции в союзе с Россией; победы при Земле и Сетине.
- 1789
- Белград захвачен.
- 1790
- Смерть Иосифа II; вступление на престол Леопольда II.
- 1791
- Мир с Турцией.
- 1792
- Вступление на престол Франца II; война Первой коалиции; поражение в битве при Жемаппе.
- 1793
- Победы в битвах у Альденхovens и Неервиндена.
- 1794
- Поражения в битвах у Туркуана (вместе с союзниками) и Флеруса; Бельгия потеряна.
- 1795
- Третий раздел Польши.
- 1796
- Победы в битвах у Вецлара, Амберга, Вюрцбурга, Первом сражении у Каддиеро; поражения в битвах у Лодн, Кастильоне, Арыле.
- 1797
- Поражение в битве при Риводи; Кампоформийский мир; Ломбардия потеряна, приобретена Венеция.
- 1798
- Комиссия по военной реформе Унтербергерга вводит новую униформу и амуницию.
- 1799
- Война Второй коалиции; победы в битвах у Остраха, Стохаха, Первом сражении у Цюриха, Нови, Треббин; поражение во Втором

Лучшие солдаты-ветераны австрийской армии зачислялись в знаменитые гренадерские батальоны, в которые сводились гренадерские дивизионы, входившие в состав каждого пехотного полка. Немецкий и венгерский гренадерские офицеры в униформе образца 1798 г. и с короткой косичкой.

Пехотинцы и гренадер в 1799 г. Последний все еще в меховой шапке, лишенной козырька. Униформа образца 1798 г. по своему покрою была современной. Легкие пехотинцы (на заднем плане) предназначались к выполнению роли застрельщиков, оставляя за тяжелой пехотой формирование боевой линии.

Нехватка людских ресурсов в 1813 г. потребовала призыва в армию ранее освобожденных от военной службы и несовершеннолетних юношей, особенно из крестьянского сословия. (Карл Русс)

сражении у Цюриха (вместе с русскими союзниками, прибывшими из Италии).

1800

Поражения в битвах у Маренго, Гогенлидене; Лионевильский мир.

1801-1804

Первые реформы армии, проведенные эрцгерцогом Карлом.

1804

Провозглашение Австрийской империи.

1805

Реформы Мака в области обучения и организации войск. Война Третьей коалиции: победа во Втором сражении у Калдиеро; поражения в битвах при Ульме и Аустерлице. Пресбургский мир; Венеция и Тироль потеряны, приобретен Зальцбург.

1806-1808

Период второй реформы армии, проведенной эрцгерцогом Карлом.

1806

Конец Священной Римской империи; издан Строевой [Abrichtung] Устав.

1807

Изданы Полевой [Exercier] Устав и Дисциплинарный [Dienst] Устав.

1808

Формирование ландверных батальонов; план создания резервных батальонов.

1809

Война с Францией: победы в битвах при Рашине, Неймаркете, Засле и Асперне; поражения в битвах при Теунаузене, Экмюле, Ваграме, Раабе. Шенбруннский мир: потеря Иллирии, Зальцбурга, Западной Галлии.

1812

Австрийский вспомогательный корпус присоединяется к Великой Армии в России; победа в битве у Городечино.

1813

Освободительные войны; формирование 4-х и 5-х батальонов из ландвера; победы (вме-

сте с союзниками) в битвах у Кульма и Лейпцига; поражение в битве у Дрездена.

1814

Победы в битвах у Бар-сюр-Об, Арсенсюр-Об, Валеджо; поражение в битве на реке Мишичю.

1815

Победа в битве у Толентино (Неаполь); Парижский мир; приобретение Северной Италии, возвращение Иллирии и Тироля.

Комплектование

Ядром армии являлась немецкая пехота, представленная в основном уроженцами Верхней Австрии; все современные авторы характеризовали их как «храбрых, старательных, усердных и неоязвливших» солдат. Военская повинность была введена на Коронных и Богемских (западных) землях с 1781 г. Вся территория была разделена на полковые округа, и в каждом таком округе составлен реестр мужского населения. Все здоровые мужчины в возрасте между 17 и 40 годами (в первую очередь в возрасте 18-26 лет) считались военнообязанными, за исключением освобожденных от военной службы. Категории освобожденных лиц включали: духовенство и духовенство; большую часть квалифицированных рабочих, включая шахтеров и рабочих на лицензированных фабриках; многих горожан; всех свободных земледельцев и их старших сыновей. Таким образом, бремя армейской службы лежало в основном на младших сыновьях крестьян и городском пролетариате.

Большинство полков стояло гарнизонами в тех же местностях, откуда они черпали свои пополнения, но когда эти места не совпадали, в дело вступали специально назначенные офицеры с приданными им командами. До 1807 г. каждый полковой округ был разделен на 16 ротных подокругов

Венгерский дудочник на рекрутировке. Другие методы зачисления будущих рекрутов включали «звон колокольных... убедительные призывы офицера... соблазнительная музыка и спектак, наполненный шипучим вином».

[Werbebezirke]; в дальнейшем весь округ считался единой территорией. В каждом таком округе имелась собственная «Книга учета военнообязанных», согласно которой на дверях всех домов краской наносился особый номер; причем, если номер не был хорошо виден, на хозяина накладывался штраф в 9 гульденов. Этот реестр велся офицером, отвечающим за рекрутирование в данном округе [Werbebezirkoffizier], совместно с гражданскими властями. Каждый год, между 1 марта и 31 мая, офицер-рекрутировщик проводил инспекцию вверенного ему округа, проверяя списки «личностей, отобранных для предстоящей военной службы», предоставленные гражданскими властями. Любой посещенный таким образом оказывался технически «призванным», поскольку его присутствие в воинских списках подтверждалось.

Рекрутирование продолжалось в продолжении всего года, прекращаясь только после набора необходимого числа людей. «Призванные» отправлялись в армию перемыми, а для отсутствующих новобранцев или признанных негодными к военной службе должна была быть найдена замена. Предприимчивость различная удочки, чтобы избежать военной повинности; зарегистрирован случай, когда один мужчина предстал перед лейтенантом, командовавшим вербовочной партией, утверждая, что является единственным сыном вдовы-старушки; его сопровождал другой парень, объявивший себе его братом! Задержанные капралом, они были немедленно посажены в фургоны для рекрутов. В мирное время власти предпочитали не брать в армию жена-

Барабанщик в униформе образца 1798 г. Имелось 23 командо барабанщиков. Барабанщиками чаще всего были слабосильные подростки, но Устав 1807 г. требовал использовать взрослых мужчин, которые могли легко выдерживать тяжелые физические нагрузки и под огнем отбивать на барабанах сигналы.

тых мужчин, но в военное время, разумеется, это обстоятельство не принималось во внимание.

Те лица, которые не были рекрутированы, а «только посещены и отмечены», оставались в неопределенном положении, как бы «в отпуске» [furlough], который мог быть прерван в любой момент. Гражданские власти имели возможность заменять таких людей на «табачных контрабандистов, браконьеров, намеревавшихся бежать преступников и бродяг». Ни один потенциальный рекрут не мог отправиться в освобожденную от призыва область или за границу без специального разрешения, под угрозой штрафа в 150 или 300 гульденов соответственно.

Хотя для рекрутов требовался минимальный рост 165 см и существовало освобождение от военной службы по медицинским показателям, власти не были особенно разборчивыми; в инструкциях 1784 г. для армейских докторов отмечалось: «если ограничиваться в призыве только теми... кто

полностью здоров и отличается хорошим телосложением... тогда численность новобранцев, которые должны пополнить ряды солдат, очень сильно упадет». Самые лучшие рекруты, особенно грамотные, отправлялись на укомплектование кавалерийских и артиллерийских частей.

Продолжительность действительной службы в армии равнялась 25 годам, за исключением хлебопеков и портных обмундирования [equipment suppliers], которые вербовались на срок три года. До 1802 г. увольнение из рядов армии, кроме полной инвалидности, было возможно только в случаях, когда через наследование, покупку или брак солдат приобретал собственность или бизнес, которые требовали его личного присутствия; но такое увольнение было обусловлено тем, что соответствующий округ обеспечивал замену.

С 1782 г. до 1808 г. немецкие полки имели в Галиции дополнительные вербовочные округа [Aushilfsbezke], но два полка на округ. К 1802 г. «ленивое, глупое и пьяное» население Галиции поставило в армию приблизительно 54,000 полжков и рутенов [Ruhenes – русины]. В 1808 г., когда границы вербовочных округов были изменены, в Галицию были переведены 11 полков. Моравские полки сохранили свои округа, из которых комплектовалась половина их третьих батальонов.

Венгерский (фактически набравшийся в Хорватии, Венгрии и Трансильвании) армейский контингент, общая численность которого постепенно возросла с 35,000 до 63,000 человек, требовал 6,034 новобранцев в год. Славявшиеся духом своих уроженцев, восточные провинции сохранили феодальную систему формирования пехотных частей, комплектовавшихся главным образом местными крестьянами, «свирепыми и дикими, как звери, среди которых они жили». На юге «открытые и гостеприимные» сербы и хорваты пополняли ряды «отважных воинов... которые в неизмеримых количествах поглощали крепкие напитки». Офицерами у них служили уроженцы Саксонии, которые отличались «высоким ростом и чаще были блондинами, чем брюнетами» с «высоким лбом, большими синими глазами и открытым веселым лицом». Трансильванские полки представляли смесь различных типов, их солдаты были известны своими «усердием и уравновешеннос-

Немецкий пехотинец в 1809 г. Он носит камзол образца 1769 г., обрезанный согласно покрою 1798 г. Армия имела четыре размера обмундирования: малый, средний, большой и очень большой – большей частью плохо подогнанные к фигурам.

тью». Валахи (румыны) характеризовались как «довольно веселые, но хитрые, метильные и ленивые, с грубой натурой». Внешне они выглядели довольно приземистыми, но производили сильное впечатление и были способны к продолжительным физическим нагрузкам, которые переносили с присущей им силой духа. «Они отличались темными и густыми волосами». Дополняли их «широко известные своими храбростью, силой и неутомимостью» секлеры [Szecklers], со своей репутацией «непревзойденных разведчиков и специалистов по засадам», которые особенно часто использовались в составе авангардных или аррьергардных частей.

Каждый округ должен был выставить согласно установленной квоте определенное число новобранцев, выбранных местными помещиками среди своих крепостных или вытравливаемых как добровольцев. Большую часть составляли волонтеры (21,000 из общей численности 26,000 человек в 1790-

Жагование и хлебные порции в 1792 г.

Месечное содержание (гульден/крейцеры)	В мирное время		В военное время			
	Германия	Венгрия	Хлеб	Жагование	Полевое содержание (содержание)	Хлеб
Капитан	71 42 ½	65 53 1/8	2	герм. ставка		3
обер-лейтенант	26 48 ¼	25 9 ½	2 ½	герм. ставка	52	2
унтер-лейтенант	22 37	21 9 ½	2	герм. ставка	43	2
Ежедневная плата (в крейцерах) и хлебные рациины						
Фельдфебель	15	10 ½	1	герм. ставка	1	1
Капрал	10	7	1	герм. ставка	1	1
Ефрейтор	7 ½	5 ¼	1	герм. ставка	½	1
Гренадер	6	4 ½	1	герм. ставка	1	1
Рядовой	5	4	1	герм. ставка	1	1

Примечание. Офицеры в мирное время получали хлеб только в Инсбруках.

Нормы 1807 г. не изменились по сравнению с 1792 г., за исключением того, что фельдфебелям получали на 2 крейцера больше, а ефрейторы получали 1 крейцер полевого содержания.

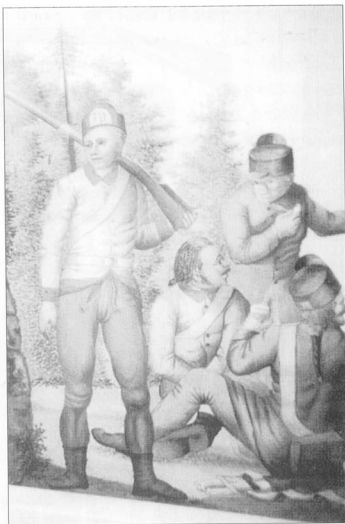

Выполняя повседневные работы в гарнизоне, большинство солдат носило простые круглые фуражные шапки, пошитые из старой формы. Немецкая пехота ниже бріджей носила чулки. (Оттенфельд)

1794 гг.), а меньшую – малоземельные крестьяне. Использовались различные хитрости (см. планшет D), чтобы обеспечить набор нужного числа рекрутов; иностранцы (не местные уроженцы), добровольно поступавшие на службу в австрийскую армию, получали по 5 гульденов. «Под знамена» без разбора попадали разныскиваемые преступники, жулики и бродяги, личности без всяких документов, отступники от католической веры (существовала ввесеудобная практика отправки их в армию) – все они годились в дело, и в результате казармы заполнялись полностью. Землевладельцы обманывали вербовщиков, подсовывая им чернорабочих вместо людей, владеющих дефицитной специальностью, или укрывая последних, но при этом беглые крепостные составляли большую часть добровольцев.

В 1781 г. 23,680 человек числились «в отпуске», а рекрутировано подлежало 280,344 человек. Возросшее количество браков, переселение крестьян в города и турецкие войны десятилетием позже уменьшили эти цифры до 15,963 и 69,020 человек соответственно. К 1801 г. только один из ста тридцати венгерских мужчин находился на службе; в рекрутских округах освобожденных лиц расширились до такой степени, что только 83,199 человек (один из семидесяти) подлежали рекрутированию – на 20,000 человек меньше требуемого числа. Несмотря на облыны на безземельных крестьян на селе и безработных в городах, необходимая численность войск могла быть достигнута только благодаря увеличению вербовки добровольцев, особенно в Германии, хотя высшее командование стремилось ограничить процент иностранных подданных в австрийской армии, которые уже составляли более трети личного состава в любой части.

Все полки вербовали добровольцев [Regimentswerbung], но итальянские, валлонские и тирольские части (большинство из относящихся к ним территорий было утрачено к 1797 г.) полностью полагались на эту форму комплектования. В полковые округа отправлялись офицеры-вербовщики в сопровождении клерков, музыкантов и солдат, выбранных из числа «старослужащих», отличных и лучше других выглядящих солдат полка». Сельские ярмарки считались хорошим источником пополнения; вербовщики поджидали крестьян, растративших деньги, влезших в долги или участвовавших в драках с тяжелыми последствиями, которым во избежание столкновения с правосудием государства приходилось укрываться от него

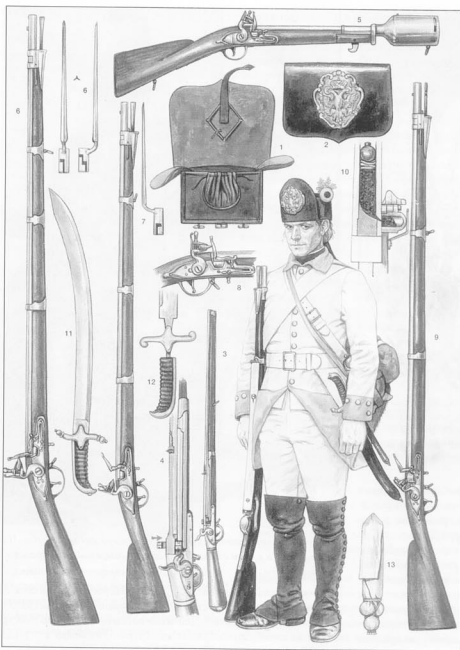

Пехотинцы отдыхают в ходе несения сторожевой службы. Часто каскетки имели зади неуставной козырек, как у фуражных шапок. 1790-е гг.

в армии этого государства. Добровольцы вербовались на срок от шести до восьми лет; иностранцы подписывали обязательство служить в течение шести лет. Денежное вознаграждение при поступлении на службу для западных волонтеров составляло 35 гульденов (10-15 гульденов для физически незрелых юношей, которые зачислялись в гарнизонные батальоны).

До 1806 г. Австрия без всяких проблем вербовала рекрутов в странах, входивших в состав Священной Римской империи [Reich]. Четыре полка комплектовались непосредственно в этих землях, а другие добровольцы набирались по мере необходимости. Южные немцы считались особенно хорошими солдатами; к тому же из-за их высокого образовательного уровня они составляли приблизительно половину унтер-офицерского состава немецких частей. Имперский набор [Reichswerbung] в принципе не имел ограничений: командующим на местах высылались деньги в соответствии с требуемой численностью рекрутов. Сразу после вербовки офицеры пытались убедить новобранцев подписать контракт на сверхсрочную службу – за дополнительное вознаграждение от 12 до 32 гульденов, в зависимости от того, как быстро рекрут согласился на условия. Вербовка на различные сроки и значительные денежные выплаты привлекали многих подданных империи на вербовочные станции, чтобы поступить волонтером в имперскую (фактически – австрийскую) армию.

Баварец фон Гребер в 1800 г. появился на Регенсбургской станции, чтобы избежать юридической карьеры: «Я увидел старого капитана из 17-го пехотного полка, который держал в руке кольцо с ключами. Он добродушно посмотрел на меня и спросил, что я здесь ищу. Я объяснил ему, что намеревался стать солдатом». Разузнав про мотивы, которые заставили его принять такое решение, капитан отправился вместе с фон Гребером к командовавшему вербовочной станцией офицеру, предварительно преподав ему несколько сове-

А: Немецкий пехотинец, 1788-1798 гг.

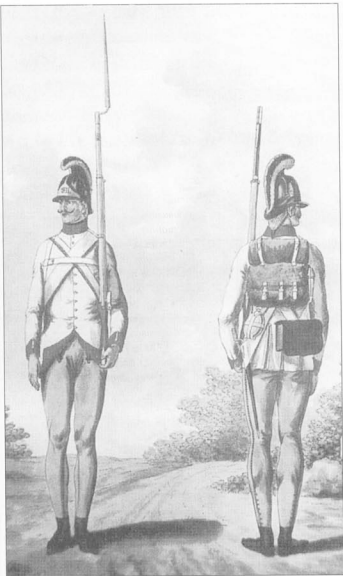
Этот солдат носит униформу образца 1769 г. с рашцем [backrack] за спиной, который удерживался на ремне длиной 32 дюйма и шириной один дюйм, переброшенным через правое плечо. Каскетка высотой 16 см изготовлена из кожи с добавлением фетра. Некоторые каскетки имели кожаный козырек образца 1779 г. Стрелявший свинцовыми пулями, весившими 26 г, мушкет имел буквенные приклад и ложе, которые должны были окрашиваться в черный цвет за счет позлаки. Из многочисленных образцов мушкетов, принятых на вооружение, только три использовались в кампаниях на протяжении Революционных войн. Ствол должен был иметь достаточную толщину стенок, чтобы выдерживать стрельбу двойными зарядами. В сырую погоду уровень осечек достигал 50%, так что солдаты приходилось использовать кожаные чехлы для ружейных замков, парусиновые сумки для зарядов и пробки для стволов.

1. Устав 1773 г. [Okonomie] предписывал, что кожаный подсумок должен был вмещать 36 пулевых патронов и шесть картежных патронов. Он имел размеры 32 см x 24 см и носился на бандольере шириной 10 см.
2. Медная блинка на крышке подсумка, выпускавшаяся до 1798 г., хотя продолжала использоваться до 1809 г. 3. Пневматическое нарезное [Air rifle] ружье Гирадоми образца 1780 г. 4. Механизм замка пневматического нарезного ружья. 5. Ружейный граната [Granatgewehr] образца 1769 г. — использующаяся в частях аркебузной пехоты [Infanterie-Arkebusiers]. В гранату весом 2,5 фунта должен был вставляться фитиль для поджигания порохового заряда; сила толчка компенсировалась отдаленным крюком. 6. Кремневое ружье [Commissifline] образца 1754 г. — калибр 6/4 лота (18,3 мм) — с штыком образца 1748 г. 7. Мушкет образца 1767 г. с штыком образца 1767 г. 8. Ружейный замок «лебединая шея» образца 1767 г. 9. Мушкет образца 1784 г., разработанный на основе прусского самозарядного мушкета, с усложненной зарядной полкой и медным пламеотражателем [flashguard]. 10. Ружейный замок образца 1784 г. 11. Фузлерская сабля образца 1765 г. с 53-см лезвием. 12. Деталь фузлерской сабли образца 1784 г. 13. Картечный заряд калибра 6/4 лота, включающий три-четыре небольших пули (общий вес — 26 г).

тов: «Как солдат, Вы должны всегда быть скромным, слушаться ваших начальников, начиная с капрала и заканчивая полковником, всегда обращаться к ним с почтением... общайтесь с пленными справедливо... всегда обращайтесь с иностранными подданными по-человечески... Капрал повел меня на второй этаж, где находился командир. Он подробно расспросил меня... Затем я прошел в следующую комнату, где был обследован военным хирургом... Он признал меня годным к армейской службе и отправил назад к командиру, который приказал капралу сопроводить меня в комнату для завербованных... В конце длинного коридора, капрал открыл дверь, и я увидел в обширном помещении более двадцати молодых людей, воевавших или валившихся на соломенной подстилке, кричавших, певших и хохотавших. На столе лежало несколько небольших хлебов, стояли кружки с пивом и бутылки бренди. «Вот так, выпивка, закуска — развлекайтесь хорошенько!» — сказал капрал, поменявась; затем он повернулся и вышел, заперев дверь на двойной замок... Общение с этими подонками человечества заставило

меня горько пожалеть о решении стать солдатом... Новобранцы попали сюда частично замененные деньгами, а частично — выпивкой... Три четверти из них были обычными алкоголиками, развлекавшимися непристойными телодвижениями и горлавыми песнями. Некоторые из них уже свалились под стол и там уснули, с храпом и стоном... Другие продолжали опустошать кружки и прикладываться к бутылкам, богухоуствуя и проклиная все подряд, постепенно впадая в бессознательное состояние. Гулянка продолжалась всю ночь... и все это время мне пришлось проследить на скамье в углу загаженной комнаты, чувствуя себя совершенно несчастным. Так как я не считал возможным принимать их невинносимые приглашения выпить и побораться, они осыпали меня невероятной бранью и распевали презрительные песенки, при этом зачастую проливая на одежду и пол свою выпивку... Недало до рассвета вся эта вульгарная кампания наконец распалась по углам, и я смог немного подремать на моей кровати. Все было тихо, пока около 6 часов утра, когда барабаник пробил

“Подъем!”, не появился капрал. Мы были построены во внутреннем дворе; большой отряд пехотинцев... стоял перед нами, им было приказано зарядить ружья; их офицер сообщил нам, что если в течение марша любой из нас попробует сбежать или станет причиной нарушения порядка, он будет застрелен на месте, без всяких последствий. Затем наша группа выступила в поход... После 1806 г. вербовочные станции продолжали действовать на северной границе Австрийской империи.

Венгерские пехотинцы в 1798 г. с мушкетами в положении "на плечо" по уставу 1769 г. — оружие держится так, чтобы шейка приклада могла быть охвачена правой рукой, согнутой в локте горизонтально. Со своей внушающей страх репутацией, венгерские войска никогда не имелись в желаемом количестве, а в течение войны Второй коалиции не имелись в желаемом количестве, а в течение войны Второй коалиции не имелось в желаемом количестве, а в течение войны Второй коалиции не имелось в желаемом количестве. Палатоны застегиваются на крючки в нижней части внешних швов. Обратите внимание на три колышка для установок палатки, закрепленные на правой боковине ранца.

«Фактически пожизненный срок службы, — писал эрцгерцог Карл, — приводит к тому, что армия к началу любой войны состоит из драхлых солдат, которым придется покинуть ряды уже через несколько месяцев вследствие истощения сил, или недовольных воинскими порядками личностями, которые готовы дезертировать в любой момент». Как описывал Мандельхам: «Большинство рекрутов смотрит на свое будущее с печалью, а на своих товарищей, покидающих службу после истечения срока контракта — с нескрываемой горькой завистью». Когда в 1802 г. обнаружилось, что в округе из всех подлежащих воинской повинности 27,000 человек «отсутствуют, местонахождение неизвестно», это обстоятельство привело к решению отменить пожизненный срок службы. Взамен появился девятилетний контракт [Capitulation]. Хотя солдаты получили возможность вернуться в гражданскую жизнь и заниматься прежним ремеслом, не утратив еще трудоспособность, опасение разом потерять значительное число обученных солдат привело к тому, что польность реформа не была реализована до 1808 г. В 1811 г. продолжительность службы по контракту была увеличена до 14 лет.

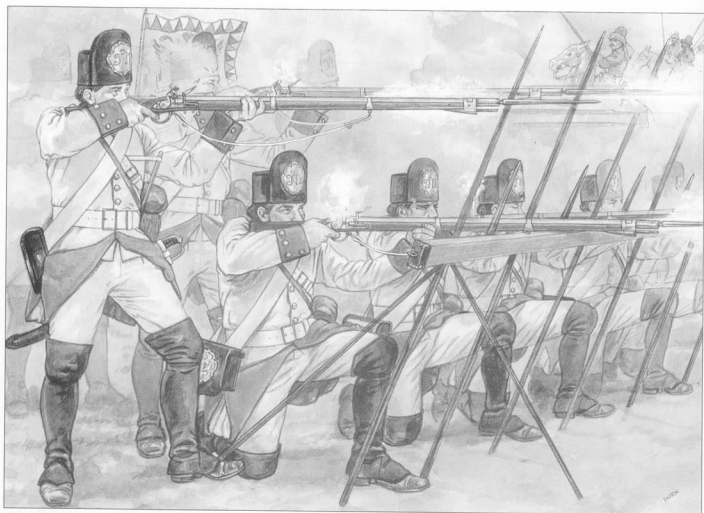
Территориальные потери, которые понесла империя в ходе войны с Францией, сделали некоторые части многонациональными. Например, 44-й пехотный полк Бельгиоджосо [Belgiojoso] первоначально комплектовался уроженцами его полкового округа в Ломбардии.

Держа свой мушкет правой рукой, немецкий унтер-офицер инструктирует солдат в униформе образца 1808 г. и киверах образца 1811 г. (солдат справа носит кивер первоначального образца 1806 г.). Мушкеты держатся в полностью опущенных левых руках, в готовности выполнить первое движение. Около 1815 г.

После освобождения Мантуи в 1797 г. многие итальянцы, включая владельца полка [Inhaber; ближайший эквивалент этого понятия в русской армии — "шеф"], перешли в Цизальпийскую республику; они были заменены немецким имперским контингентом. В 1799 г. к ним были присоединены 300 хорватов из фрейкорпуса Гиулаа [Freikorps — иррегулярные формирования, выполняющие функции легкой пехоты], а вербовочный округ 44-го полка переместился в немецкие анклавы [Vorlande]. Поощряемые французами, большое количество итальянцев покинуло ряды австрийской армии в 1801 г., хотя итальянцы из тосканской армии и расформированных батальонов легкой пехоты перешли в бывший Далматинский фрейкорпус (включавший турков и черногорцев). Потеря квалифицированных итальянских унтер-офицеров потребовала выделения большого числа унтер-офицеров из других немецких полков. Чтобы поддержать сплоченность армии, все инструкци стали издаваться только на немецком языке, и весь офицерский состав должен был выучить его. Переход польско-говорящих офицеров и унтер-офицеров на службу в Варшавское герцогство создал дальнейшие проблемы, когда в 1808 г. 44-й пехотный полк стал галлицийским и принял в свои ряды новый контингент из 1,700 человек.

Однако, большинство частей продолжало оставаться однородными. В 1797 г. Гоете наблюдал: «Здесь имелось три батальона 12-го пехотного полка Манфредини, среди личного состава которых, как можно обнаружить по отличительным чертам, было очень много новобранцев [моравов и галличан]. Эти люди — почти все одного роста, невысокие, но крепкие, с хорошо сложенными фигурами. Одинаковый рост замечатель сам по себе, но гораздо большее впечатление производит схожесть их лиц. В основном у них малое расстояние между глазами... низкие лбы, короткие носы... рот широкий с плоскими губами... они носят плотно облегающую форму, свежие зеленые ленточки самых разных кустарников на их головных уборах [Kasket] производят приятное впечатление, особенно когда они стоят в строю. Они выполняют оружейные приемы... быстро и точно, и только при перестроениях и на марше возможно

В: Турецкие войны 1788-1791 гг.

Основной защитой против атак турецкой кавалерии были розгатки [Spanischer Reiter], использовавшиеся с конца 17-го столетия. Они применялись главным образом в лагерях, на флангах боевой линии или отдельными подразделениями. Подразделение из 25 солдат, каждый из которых был вооружен мушкетом и розгаткой [Schweinfeder], имело в своем снаряжении деревянный щит (10 см x 10 см x 371 см), который переносился двумя солдатами поочередно. Через каждые 31 см в нем было отверстие, сквозь которое пропусклась розгата, имевшая длину 180 см. Розгатки также использовались при создании предместных укреплений над рекой Сава в июне 1789 г. Была наведена переправа, по ней перенесли розгатки и установили их по внешней границе плацдарма, так что пионеры могли спокойно строить предместное укрепление под их прикрытием.

Вагенбург 1788 г. (см. схему в тексте): «Создать развивали лагерь обычно в форме квадрата, но очертания могли изменяться в зависимости от окружающей местности; позади него устраивался вагенбург». В 1812 г. Шварцбергер вернулся к использованию вагенбурга, чтобы отражать атаки русской кавалерии на открытых пространствах России, хотя меньших размеров и без розгатов. «Как только корпус завершил свое сосредоточение, тогда из транспортных фуругонов... должен был формироваться вагенбург [под командованием особого офицера]. Транспорты и багажные повозки каждой пехотной дивизии должны были формировать отдельный вагенбург позади второй линии соответствующей дивизии; сторона, параллельная этой линии, должна была быть вдвое длиннее боковой стороны. Часть лошадей должна оставаться напряженными, а остальные – у конюшни внутри вагенбурга». Одна рота назначалась в резерв на случай нападения кавалерии. На марше, колонны должны были прикрываться фланговыми дозорами, а при обнаружении вражеской кавалерии фуругоны должны были сформировать небольшой вагенбург в соответствии с местностью, где к ним присоединятся пехотные патрули.

различия солдат-новобранцев... Австрийская унIFORMа включает только то, что является необходимым и полезным».

В гарнизоне

За исключением галицийских полков, пехота обычно дислоцировалась в своих родных местностях. В некоторых казармах, например, в Эльзерказарме [AIserskaserne] 4-го пехотного полка в Вене, размещался целый батальон, но недостаток специально построенных помещений приводил к тому, что большинство частей стояло гарнизонами в крепостях. Офицерский состав наслаждался удобствами в лучших местных зданиях, а от-

дельные роты были расквартированы в домах по окрестностям. В 1808 г. штаб и шесть рот 4-го пехотного полка располагались в Винер-Нейштадте, 13-я и 14-я роты – в Лаксенбурге, 6-я рота – в Брюне (современный Брюно), а остальные – в предместьях Вены; при этом 300 человек было занято на строительных работах в Буде (солдаты регулярно использовались для строительства дорог и прокладки каналов). «В Венгрии войска квартируют у

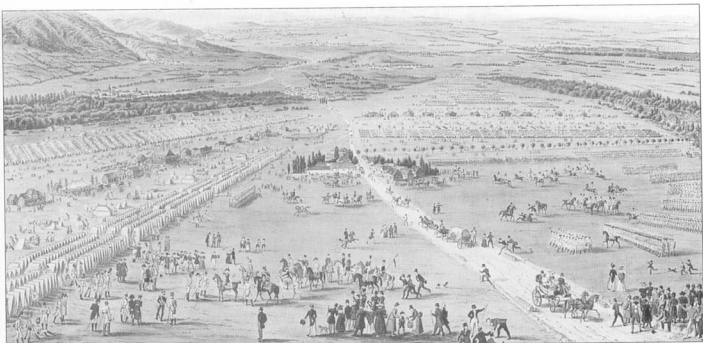
местных жителей, которые обязаны обеспечивать их питанием и всеми необходимыми в быту, за что они получают плату согласно устаревшим расценкам, которые гораздо ниже фактической стоимости». Гарнизон снабжал их только дровами.

В гарнизоне рекрут проходили формальную регистрацию и, присягнув на верность императору, получал три гульдена, на которые он должен был купить ленты для прически [hairbands], гребешок, нож и вилку, щетки для

Австрийские меры

1 гульден/флорин = 60 крестинеров	1 венский лот = 17,5 г
1 венский фут = 0,56 м	1 эйзель [Seidel] = 1 пинта
1 венский фут [Fuß/Schuh] = 12 дюймов [Zoll] = 31 см	1 дюйм = 2,63 см
1 шаг [Schritt] = 2 венских фута	1 клафтер [Klafter] = 6 венских футов = 2,5 шага

(Шаг: соответствовал расстоянию между пятой передней ногой и носком обуви на задней ноге.
Клафтеры/шаги – расстояние, измеренное по земле.)

В учебных лагерях, таких как Трайскирхен около Вены, проводились крупномасштабные маневры. Справа: колонна во главе со своим оркестром марширует в полуротных интервалах. Как и в кампании, палатки установлены в двух группах. Поскольку оружие не могло поместиться внутри жилой палатки, каждая рота располагала четырьмя палатками-орсепалами, имеющих форму усеченного конуса 2 м высотой и почти 2 м в диаметре, вершину которого накрывал деревянный диск, обитый белой жестию; каждая палатка вмещала 40-50 ружей.

обуви и приспособления для чистки амуниции. Его жалование должно было покрывать ежедневный продовольственный рацион, расходы на стирку и чистку. От солдата требовалось, чтобы он «ежедневно умывался и, в первую очередь, мыл руки с мылом, а также причесывал свои волосы» и «менял свою рубашку по крайней мере два раза в неделю... тщательно стриг ногти на пальцах ног и рук».

Солдатский мундир шился из неокрашенной «жемчужно-серой» [perlgrau] шерсти (согласно Уставу 1769 г.), под ним носился жилет [samisöl]. Из Уставов далее следовало: «униформа должна чиститься ежедневно щеткой, а каждая деталь кожаной амуниции чистится с помощью белой глины и мела, пока не отбелится, обувь должна начищаться каждый день»; уход за кожаным снаряжением включал «регулярное протирание несолевым жиром». Как униформа, так и оружие должны были поддерживаться в хорошем состоянии, и солдат «не должен терять, обменивать или продавать что-либо из перечисленного» (Уставы 1807 г.).

Солдаты, квартировавшие в частных домах, считались везунчиками: в казармах солдатской постелье служили «деревянные нары с приподнятой доской в головах, один на двух... На них лежал квадратный соломенный тюфяк и соломенный валик под голову, полотняная простыня, которую солдат мог снимать для стирки. На зиму выдавалось грубое одеяло... которое было похоже на плотный картонный лист; летом у него не было чем укрыться, кроме собственного мундира» (Цах).

Устав 1807 г. предписывал следующий режим поддержания чистоты:

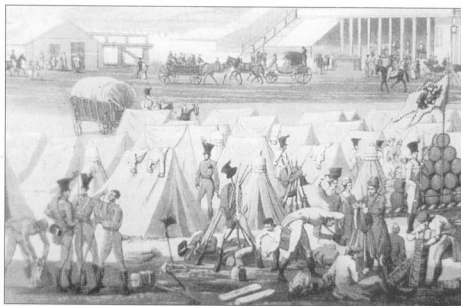
«Они должны ежедневно выметать пыль и паутину, при этом отодвигая кровать от стены, ежедневно заменять соломенные тюфяки, часто проветривать постель, вытряхивать покрывала и одеяла; столы и скамьи должны мыться ежедневно, комнаты должны освежаться с той же частотой, путем сжигания можжевеловых веток или кипячения укуса, двери и окна оставляются на некоторое время открытыми, как летом, так и зимой». Для предотвращения заболеваний, стирка и сушка одежды в помещениях запрещались. «Никакая болезнь не должна быть скрыта из страха перед госпиталем». Личная гигиена расписывалась подробно: ежедневно, и особенно утром, солдат должен был полоскать рот и промывать глаза чистой водой, причесывать волосы, мыть руки и часто ноги, стричь ногти, брить бороду и заменять свое нижнее белье по крайней мере один раз в неделю. Летом рекомендовалось проводить коллективные купания.

Для поддержания доверия и дисциплины, солдатам запрещалось занимать или давать взаимы что бы то ни было. Они устраняли небольшую складчину на общий стол, при этом растрата общественных денег строго наказывалась. Чтобы избежать искушения, «ни в какое время, даже вне службы, солдат не должен позволить себе выпивать до бесчувствия... играть в карты на деньги или находиться в компании безразличных женщин и развращенных

личностей» (Устав 1807 г.). Ветерану 50-го пехотного полка эта картина виделась с другой стороны: «Преобдало общее мнение, что уровень подготовки войск полностью и исключительно зависит от беспрерывной муштры... Уборка, смотры и учения с раннего утра до позднего вечера, промежутки между этими занятиями заполнялись чистой амуниции при помощи глины или песка, наведением глянца на обувь, заплетанием косичек [Zopf], вытряхиванием одежды, разглаживанием складок на мундирах и наведением повсюду чистоты. Солдат должен быть все время занят – таким был лозунг любого дня... Каждое воскресенье и в праздники проводились большие церковные службы, где нужно было присутствовать в парадной форме и полностью экипированным. Это означало, что с самого первого петушиного крика нас десятки раз прогоняли строем по плану, отработывая парадный шаг, измеряли длину косичек и проводили переклички – последовательно ефрейтор, капрад, фельдфебель и офицер... Чтобы внушить солдату абсолютную необходимость педантичного исполнения всех этих требований, ему не разрешалось вообще покидать казармы, кроме как по приказу; исключение делалось для прослуживших от четырех до пяти лет без наказаний; последнее, однако, было абсолютно несправедливо, потому что даже небольшой промах на учениях, малейшая неправильность в косичке или униформе наказывались ударами ореховой трости или, в виде снисхождения, отправкой на 24 часа на гауптвахту».

Скорость марша (шагов в минуту/метров в минуту)

Шаг	1769 г.	1806 г.
Обычный	60/44,5	90-95/67-70
Усиленный/ускоренный	75/56	105/78
Двойной	120/89	120/89

Финансовые ограничения привели к тому, что с 1805 г. до окончания войны не было никаких учебных лагерей. Палатки-арсенал устанавливались между жилыми палатками.

В боевой обстановке или на гарнизонной службе никто не мог покинуть занимаемое место без доклада своему прапорщику [Fähnrich]. Для воспрепятствования дезертирству, только заслужившие доверие рядовые получали разрешение на увольнение, хотя строгость требований к солдату зависела от конкретной части. В Вене «благородные парни» [Edelknaben] из 4-го пехотного полка заработали такую репутацию своими ночными попойками, что местные жители называли черные круги под глазами не иначе как «дойчмейстерские» [от наименования полка – Deutsmeister].

Различия в численности населения в вербочных округах приводило к тому, что в штатном расписании могло находиться от

2,000 до 3,000 человек. Уставы 1775 г. ограничивали число женатых солдат пятнадцатью на роту (полковник должен был основываться на этой цифре, давая разрешение на женитбу). Жены солдат должны были заниматься хозяйственными работами в роте – помогать ухаживать за больными в госпитале, чистить и стирать солдатское обмундирование. Они не имели права сопровождать своих мужей в полевых условиях, но это правило практически не соблюдалось.

Жалование личному составу должно было выплачиваться авансом между 5 и 15 числом месяца, хотя обычно оно значительно задерживалось. После начала военных действий назначалось дополнительное по-

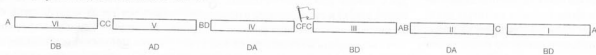
левое содержание [Feldbeitrag]. Финансовые проблемы Империи приводили к тому, что жалование, особенно младшего офицерского состава, выплачивалось все более и более обесценивающимися банкнотами [Bankozettel notes], которые к 1809 г. упали настолько, что сундук с полковой кассой, захваченный французами после сражения при Ландсхуте, был тут же брошен нетронутым.

Обучение солдат

Из-за невозможности использования национального чувства, инструкции командирам, вышедшие в июле 1801 г., требовали от офицерского состава воспитывать в своих подчиненных воинский дух и привязанность к своей части [esprit de corps]. Дисциплинарный Устав 1807 г. обращался к чувству чести, говорил о любви к Богу и Монарху, о важности роли защитника Родины [Fatherland]. Для убедительности и доходчивости в нем указывалось: «Обязанности солдата, содержащиеся в служебных уставах, вместе с военно-судебным кодексом, должны регулярно зачитываться перед строем и разъясняться на родном для них языке». В этой многоязычной армии вся обучение проводилась с помощью немецких команд. Общие команды давались барабанным боем или сигналами, которые передавались через фланкеров.

Чтобы внушить уважение к званию, в первую очередь, после обучения стоять по команде «Смирно!», отработывалось отделение чести офицеру, как индивидуально, так и в строю, с энергичным поворотом головы лицом к приветствуемому. Все обращения к старшему по званию должны были начи-

Развертывание и организация батальона 1807 г.

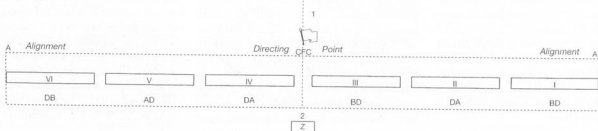
Z

A – гауптман; B – обер-лейтенант; C – унтер-лейтенант; D – прапорщик; F – знаменосец; Z – барабанички и саперы.

Согласно изменениям, появившимся в уставах 1807 г., роты теперь имели цифровые обозначения. Прочие сверхштатные унтер-офицеры обычно помещались между батальонами (см. также схемы дальше в тексте).

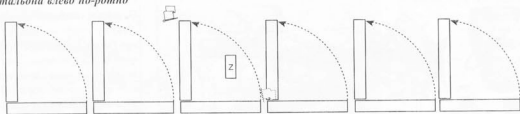

Марш батальона по прямой в линейном порядке (Устав 1807 г.)

На марше равнение поддерживалось с помощью направления на отдаленный ориентир; во главе строя, в 6 шагах перед линией, шел знаменосец; на флангах движение направлялось отделимыми офицерами.

1 – батальонный командир; 2 – адъютант; A – гауптман; B – обер-лейтенант; C – унтер-лейтенант; D – прапорщик; F – знаменосец; Z – барабанички и саперы.

Перестроение из линии в походную колонну заходом влево в ротных интервалах со знаменем на внешнем фланге третьей роты (Устав 1807 г.).

Z – барабанщики и саперы.

наться со слова "Господин" [Herr], после чего следовало наименование ранга. При повседневной гарнизонной службе солдаты обычно носили фуражные шапки [Holzmutze], однако на учениях гренадеры должны были носить кивера, а на ремне через левое плечо – патронную сумку. Научившись сохранять неподвижное положение по стойке "смирно", новобранцы обучались основным поворотам, после чего их разбивали на небольшие группы. В их составе они проводили строевую подготовку, выполняя упражнения сначала в замедленном темпе, а затем все более и более быстро, шлифуя чистоту выполнения отдельных элементов, после чего все упражнение отработывалось одним слитным движением. Освоив первоначальные приемы, новобранцы переходили к маршам. Солдаты обычно маршировали, используя стандартный одинарный [ordinar] шаг (см. планшет H), используя усиленный шаг [starker] только для развешивания. "Марш! Марш!" – по такой команде войска переходили на двойной шаг [dublir], требовавшийся при атаке и наступлении со стрельбой, но на дистанции не

более 400 шагов. Облический шаг использовался при продвижении вперед и в сторону. На конечном этапе рекрутов обучали владению личным оружием (см. планшет E).

Непрерывные упражнения, наряду с усовершенствованиями вооружения и боеприпасов, позволяли хорошо обученным солдатам делать три выстрела в минуту, а с мушкетом образца 1784 г. – до шести выстрелов в минуту. Процесс обучения был трудным, причем им занимались даже офицеры-кадеты. Один из таких офицеров вспоминал: «Многочисленные продолжительные упражнения с оружием, весом 12-14 фунтов, с которым я плохо управлялся из-за недостатка физических сил, так измучивали меня, что я почти всегда покидал учебный плац с окровавленными руками, а мой инструктор называл это «удалением бесполезной плоти».

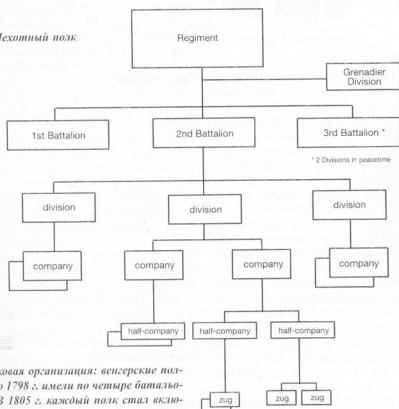
На последней стадии базового обучения [Abrichtung] новобранцев выстраивали в шеренги по-взводно, причем более высокие стояли в передней шеренге, более низкие – во второй; по фронту на одного солдата приходилось по 0,75 шага, а локоть каждого

должен был касаться локтя следующего в строю. В пределах каждого батальона солдаты выстраивались в шеренги по росту, со снижением от флангов к центру; однако, при этом на флангах каждого взвода должны были находиться самые лучшие солдаты независимо от роста. Расстояние между шеренгами составляло один шаг; при упражнениях с оружием этот интервал увеличивался до четырех шагов.

Обучение залповой стрельбе и маневрированию [Exercier] проводилось в трехшереножном строю, начиная со взвода и заканчивая полком. После остановки на рубеже ведения огня две задние шеренги сближались настолько возможно, чтобы уменьшить последствия выстрела для первой шеренги. По команде "Готовься!" солдат передней шеренги должен был отвести правую ногу назад и встать на колено на одной линии с левой ногой, держа свой мушкет на уровне левого бедра. Во второй шеренге солдат должен был переместить правую ногу в сторону, вплотную к ноге соседа справа, чтобы освободить место для ноги переднего солдата. Солдаты в третьей шеренге перемещались по мере необходимости так, чтобы их левое плечо находилось на одной линии с правым плечом соответствующего солдата во второй шеренге. По команде "Начинай!" солдаты передней шеренги слегка отклонились назад. Солдаты второй шеренги нацеливали свои мушкеты, держа их вдоль головы солдат передней шеренги, слегка отставив назад правую ногу; солдаты третьей шеренги нацеливали свое оружие рядом с мушкетами второй линии и также отставляли назад правую ногу – так, чтобы пальцы этой ноги находились на уровне левой пятки. После одновременного выстрела первый ряд вставал, и все три шеренги заряжали оружие вместе, причем два задних ряда для этого сдвигались назад и влево. Предварительная стрельба строго наказывалась, в уставе говорилось, что «ничем не оправдывается выстрел одиночного солдата, потому что боевая устойчивость всей части не должна теряться ни при каких условиях».

Когда часть наступала или отступала, используя нормальный или облический шаг, огонь велся полуротой или меньшим подразделением. По командам «Взвод!» или «Полурота!» соответствующее подразделение выдвигалось вперед двойным шагом, затем следовала команда "Стой!" и далее выполнялась стрельба. Главные силы в это время передвигались более коротким и медлен-

Пехотный полк

Полковая организация: венгерские полки до 1798 г. имели по четыре батальона. В 1805 г. каждый полк стал включать четыре пехотных и один гренадерский батальоны, но уже в 1806 г. возвратились к нормальной организации.

С: Венгерский пехотинец, 1798-1810 гг.

Он носит униформу образца 1798 г. и прическу длинной пять дюймов из четырех связей [bound]. Шлемы с 1806 г. постепенно выхолили из употребления, главным образом из-за высокой стоимости и значительного веса; к тому же их невозможно было носить при раненых головах.

1. Котелок для приспособления пищи образца 1807 г., со специальной крышечкой, которая использовалась как сковорода. 2. Мушкет образца 1798 г. калибра 5/4 лота, разработанный на основе французского мушкета образца 1777 г. Вводившийся в употребление свыше 10 лет, он стрелял пулями весом 21,5 г, а его медная гарнитура гарздо легче чистилась. 3. Ружейный замок образца 1798 г. Галицийский кремль [Podolische Feuersteine] лучше всего подходил для более тяжелых замков. Кремль был заключен в свиновый чехольчик, что облегчало его замену в сражении (от кожаных чехлов отказались). В случае осечек, кремль можно было «заточить», заострив его край подручными средствами. Кремль выдерживал приблизительно 25 выстрелов — а хороший выдерживал все 50. В зарядных ящиках хранилось по 5,000 кремней в малых бочонках или по 19,000 — в больших бочонках. Оporожненные, бочонки применялись как мишени при стрельбе в цель. За все время Революционных войн Австрия использовала 50 миллионов кремней. 4. Мушкет образца 1807 г., — котия мушкетера образца 1798 г., за исключением того, что он изготавливался из простой древесины с железной гарнитурой. 5. Офицерский пистолет образца 1809 г. с уменьшенной версией замка образца 1798 г., выполненный из древесины орехового дерева. 6. Патрон калибра 5/4 лота образца 1798 г. 7. Учебный патрон калибра 5/4 лота. 8. Изготовленный из металла трофейный ордуна, Пушечный крест [Kanonkreuz] 1814 года стал первой общей медалью "За службу". Награжденные могли помещать свои имена на обратной стороне. 9. Венгерские ботишки и немецкие туфли. За обувью полагалось ухаживать ежедневно для увеличения срока носки: толстую кожу смазывать воском, чтобы проупростить проникновение воды внутрь. 10. Патронная сумка образца 1798 г. на бандолиере шириной 10 см. Каждый солдат носилась три или четыре запасных кремнями, которые носились в маленьком кожаном мешочке под крышечкой поддушка. Пехотинец носил 60 патронов; еще 40 зарядов на человека находилось в первоочередном запасе. 11. Металлическая фляжка для воды образца 1773 г. на бедем кожаном ремешке. 12. Ружейный замок образца 1798 г. (в разрезе).

ным шагом, и при наступлении, когда залп был произведен, из них тотчас же выдвигалась вперед следующее подразделение.

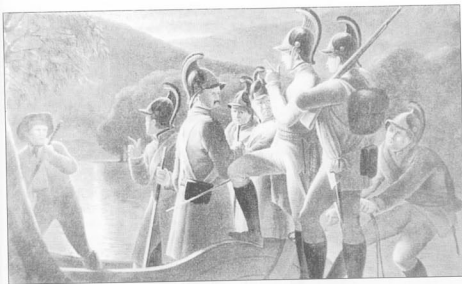
Кроме трехшереножной стрельбы, войска могли поддерживать непрерывный огонь «рядами» (беглый огонь — Lauffeuer). К тому моменту, когда последний ряд четвертого взвода роты стрелял, первый взвод уже зарядил свои мушкеты и снова был готов к стрельбе. Существовали отдельные упражнения для обучения стрельбе по-взводно из каре и из узких дефиле. Стрельба по-взводно по направлению на левой фланг, при общекорпусном шаге или маршировке рядами, для приведения в действие спускового механизма требовала использования пальцев левой руки, в то время как правая рука поддерживала мушкет.

В пехоте сохранялась твердая вера в силу холодного оружия. При наступлении, маршируя двойным шагом, солдаты, подошедшие к врагам приблизительно на 50 шагов, получали приказ на штыковую атаку особым барабанным боем (Sturmstreich) или голосовой командой «В штыки!» [F2]lt das Bajonett!], после чего ружья брали «на

руку». Мушкет с положением «на плечо» при помощи правой руки быстро переводился в горизонтальное положение и подхватывался ладонью левой руки, так чтобы ружейный замок оказался подмышкой. Резервные части следовали за главными силами в 150-200 шагах, держа свои мушкеты в положении «под курок» [Hahn in Arm]. В рукопашных схватках использовались как мушкетные приклады, так и сабли.

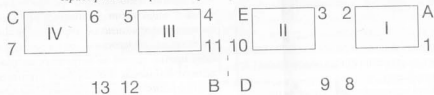
Устав 1769 г. указывал: «Рядовой солдат представляется из себя машину и должен оставаться таковым». Крайний случай такого подхода описывает Эльрих: «В одном полку служил капрал, который был известен по всей армии под прозвищем "капрал Дьявол" [Teufel]... наиболее изобретательный мучитель солдат, который когда-либо носил австрийскую униформу... Если было назначено построение, он выводил на него своих солдат на час раньше, чем другие командиры отделений, и все это время проходило в бесконечных проверках внешнего вида и амуниции, повторах приемов и упражнений, сопровождаемых придирками и выговорами, за которыми следовали зло-

ровенные туманки, толчки и удары тростью куда придется; казалось, капралу просто нравится поступать именно так. Конечно, уставы не предусматривали такого обращения с солдатами, но, за немногими исключениями, его вышестоящие командиры предпочитали закрывать глаза на эти фак-

Капралы и ефрейтор возглавляли небольшие набеговые партии; большие патрульные отряды находились под командованием младших офицеров. Реки чаще всего были лучшим средством передвижения. (Зееге, около 1799 г.)

Правофланговая рота в трехшеренговых строю (Устав 1769 г.).

- A – гauptман
- B – обер-лейтенант
- C – унтер-лейтенант
- D – прапорщик*
- E – фельдфебель
- * Вице-капрал/капрал в мирное/военное время в гренадерских ротах

В военное время: 1, 2, 4-7 – капралы
3, 8-13 – вице-капралы

В мирное время: 4 – фельдфебель
1-3, 5-13 – капралы

Правофланговая рота, построения в три шеренги. Согласно Уставу 1769 г., в военное время:

A – фельдфебель

A, 2, 5, 7, в третьем ряду позади 2 и 5 – капрал

C – кадет (фланговые роты) или дополнительный капрал (прочие роты)

ты... Если полк назначался на караульную службу, то солдаты с нетерпением ожидали распределения по постам, и те, кого судьба отправляла под командование капрала Дьявола, оказывались близки к отчаянию, поскольку им предстояло 24 часа ада, не говоря уже о множестве ударов за самые незначительные проступки). Хотя в данном случае в этом не было особого смысла, но вообще солдат мог представить жалобу своему непосредственному начальнику-капралу, и жалоба могла пройти по всей служебной лестнице и дойти до командующего ротой капитана [Hauptmann]. Поскольку проблемы со снабжением существовали всегда, жалобы на нехватку хлеба, задержку жалования или недостаток униформы «не должны иметь места, но солдат должен быть доволен знанием того обстоятельства, что все проблемы будут решены в свое время, а его жалование будет выплачено... потому что солдат обязан разделять как хорошие, так и плохие времена для государства» (Дисциплинарный Устав 1807 г.).

Уставы 1806-1807 гг. смягчали дисциплинарные требования: «Все формы дурного обращения и рукоприкладство при обучении солдата категорически запрещаются. Грубое обращение обычно свидетельствует об определенном недостатке умения у командира и уничтожает то чувство собственного достоинства, которое должно быть в самом сердце солдата». Учитывая, что уровень подготовки рекрутов неодинаковый, при отставании отдельных новобранцев от основной массы они должны были не наказываться, а заниматься дополнительными упражнениями, пока не достигнут необходимого умения.

В мае 1805 г. в систему обучения солдата внесли важные изменения (вошли в новые уставы, изданные в 1806 г. в исправленном виде). Мушкет теперь несли на вытянутой руке, а темп марша обычным шагом был увеличен. Походка стала «естественной, не стеснительной и непринуж-

денной», при совершении марша требовалось «нормальное движение, которое не приведет к бесполезному утомлению солдата, поскольку выполняется подобно обычной ходьбе». Двойной шаг должен был использоваться для всех перестроений и при наступлении. Однако, недостаточный уровень обучения вынудил во многих частях использовать при перестроениях промежуточный «скорый шаг» [Geschwindigkeit].

Начиная с 1806-1807 гг. излишние и формальные приемы, включая стрельбу при наступлении облическим шагом, были отменены. Передняя шеренга при стрельбе оставалась стоять, а вторая шеренга сдвигалась вправо, чтобы стрелять таким образом, что левое плечо каждого ее солдата было позади правого плеча солдата передней шеренги. Расстояние между шеренгами оставалось равным одному шагу, поскольку стволы мушкета были достаточно длинными, чтобы избежать нанесения травм первой шеренге, но при обучении оно увеличивалось до 2,5 шагов. Наиболее умелые солдаты формировали третью шеренгу, которая не стреляла. Когда подавался сигнал барабанным боем, они брали свои мушкеты «под курок», так, чтобы после зарядки замок ружья лежал на стипе левого локтя. Минимальный огонь теперь велся на уровне полуроты, а не взвода. Самый широкий фронт для маневров остался дивизион, но удлинение или сокращение линии фронта теперь проводилось в один прием, а не по стадиям. При наступлении и отступлении залповая стрельба велась по-ротному. Беглый огонь продолжал вестись тремя шеренгами, при этом задняя шеренга целилась выше.

Неизвестный младший офицер, 1810 г. Приток способной молодежи в офицерские ряды значительно улучшил качество командования.

Франческа Сканалтта: родилась в 1776 г., закончила Нейштадтскую военную академию вместо своего брата и дослужилась до лейтенантского чина. Сохранила в тайне свой пол до выхода в отставку в 1801 г.

были возрождены учебные лагеря, расположенные в различных местах в районах Вены (1797 и 1801 г.), Тура (1801 г.), Лаксенбурга и Моравии (1802 г.) и Минкендорфа (1804 г.). В этих лагерях было опробовано много нововведений, особенно в стрелковой подготовке. Также в 1805 г. в Авьяно (Италия) были проведены большие полевые маневры, где среди прочего линейные войска сыграли роль пограничных частей [Grenzlers].

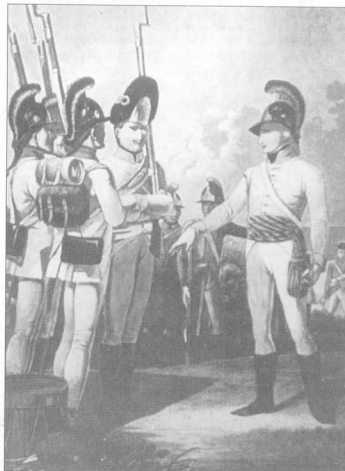
«Учебные сборы 1802 г. ясно продемонстрировали возросший уровень подготовки рядового солдата», хотя эрцгерцог Карл рекомендовал «обратить внимание на более тщательное зарядание оружия... Перестроения выполняются не лучшим образом, головные части колонии слишком медленно выходят из фронта, следующие за ними взводы также задерживаются позади них, вместо энергичного движения вперед, постепенно сближаясь между собой, и поэтому фланги остаются дезорганизованными».

Полевые маневры приобрели масштабный характер: в Минкендорфе было сконцентрировано 36,000 человек. «Армия разделилась на две части, оперировавших одна против другой на встречных направлениях. Кавалерия должна была атаковать гренадерский батальон, сформировавший каре перед кладбищем. Своевременно перестроившись, эти войска должны были занять позицию за стеной и отражать атаку кирасир сильным мушкетным огнем. Но

С 1806 г. особая важность придавалась точности стрельбы. Мушкет теперь требовалось держать таким образом, чтобы солдат при прицеливании мог видеть весь ствол. Каждый рядовой для учебных целей получал только 10 боевых патронов в год, но военнослужащие, имевшие особую квалификацию стрелков [Schützen] – два капрала и 12 рядовых на роту – имели возможность выстреливать 25 боевых патронов в год.

К 1790 г. людские потери в турецких войнах привели к уменьшению фактической численности многих батальонов до 200 человек и ниже, что вынудило командование переводить офицеров и унтер-офицеров из частей первой линии в третьи батальоны, где они обучали новых рекрутов. Недостающему времени для полноценной подготовки войск и нехватка унтер-офицерских кадров в резервных и запасных частях оставались постоянной проблемой. К 1797 г. ситуация с пополнениями осложнилась настолько, что новобранцы отправлялись в действующую армию фактически необученными. Четыре венгерских батальона состояли «из крестьян, посаженных на телеги... ни один из них не держал в руках мушкета... три четверти этих людей непригодны к солдатской жизни и, не имея ни подходящей одежды, ни необходимого снаряжения, вскоре оказываются в госпиталиях; остальные при виде врага просто бросают свои мушкеты, из страха или из-за неумения с ними обращаться» (Эрцгерцог Карл).

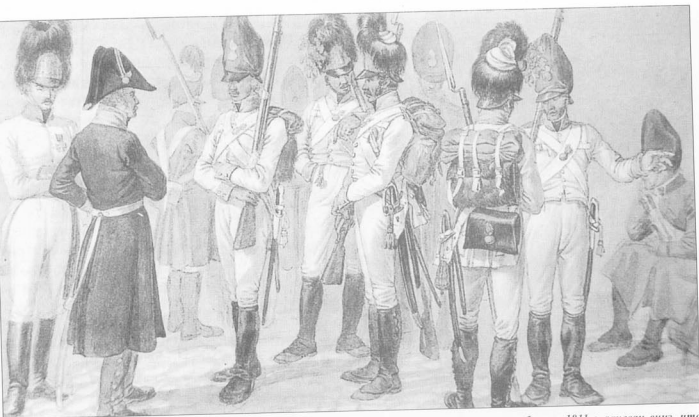
Хотя основная часть обучения проводилась в гарнизонах (солдаты-подростки отправлялись в воспитательные дома – Erziehungshaus), после войн 1792-1797 гг.

Офицеры венгерской пехоты (Молло, 1798 г.). Трость оставалась символом офицерского ранга до 1803 г. До 1809 г. не существовало никакого уставного образца пистолета.

«Настоящий товарищ» (мемориал 4-го пехотного полка в Вене): фельдфебель Фусксрубер спасет обер-лейтенанта барона Сипота в сражении у Иль Фуручи в 1814 г. За этот подвиг он был награжден Золотой медалью «За доблесть».

Немецкие гренадеры из 3-го и 36 (Клейна) пехотных полков, 1813 г. Мех на меховых шапках образца 1811 г. зчесан вниз, что позволяет видеть доныце шапки отличительного желтого цвета. Фельдфебель (в центре) носит свою Золотую медаль "За доблесть" без орденской ленточки.

соответствующий приказ не дошел до гренадеров: вместо развертывания в стрелковую цепь до начала атаки, они остались выстроенными в каре и открыли по нам огонь... Поскольку большая часть их пушек были заряжены камнями, всадники и лошади на нашей стороне получили многочисленные ранения... Видя, как падают их товарищи, кавалеристы не смогли сдержать себя и атаковали всерьез. Батальонное каре было прорвано, а гренадерам пришлось отражать сабельные удары и бить в ответ. Только после того, как с обеих сторон пролилось много крови, гренадеры наконец отошли за кладбищенскую стенку».

Нормальному процессу обучения войск препятствовала отправка большого числа личного состава в отпуск (Urlauf), что объяснялось финансовыми обстоятельствами. В течение 1790-х годов только 60% войск внутри империи находились на действительной службе в мирное время; остальные 40% после прохождения основного курса обучения были отправлены в отпуск. Отпускники-рядовые не получали никакого жалования; унтер-офицерам при нахождении в отпуске платили только за два месяца — жалование за один месяц при убытии и еще за один месяц по возвращении.

В мирное время смена личного состава проходила в незначительном количестве — приблизительно 200 человек в год, в большинстве отслуживших контрактный срок. В предыдущие годы в третьем батальоне, куда включали между прочими тех солдат, которые были непригодны для полевой службы (в венгерских частях четвертый батальон, насчитывавший 640 человек до 1798 г.), обучали новобранцев и готовили пополнения в

случае потерь в военное время. Проведение полный курс подготовки солдаты отправлялись на укомплектование первых двух батальонов до шата, а в третий батальон поступали следующие 1,400 отпускников и новых рекрутов (1,240 в венгерских частях). Дополнительно были сформированы 17-я и 18-я роты (для немецких частей) запасной дивизии, насчитывавший трех офицеров и 720 солдат. Пополнения отправлялись в полк отдельными подкрепляющими группами (Erganzungstransports).

В декабре 1801 г. фактическая численность личного состава в полках уменьшилась до 80-100 человек в роте, а к августу

1803 г. в некоторых ротах оставалось не больше 25 солдат. В этот период были призваны новые рекруты, которые прошли основную курс обучения и затем отправлены в отпуск. Это позволило заложить фундамент системы резервов, введение которой было запланировано на 1808 г. Были сформированы резервные батальоны, в состав которых были включены лица, подлежавшие рекрутированию, или недавние отпускники. Они должны были проходить обучение в полковых депо в течение четырех недель на первом году пребывания в резерве и в течение трех недель на втором году.

Марширующая в начале кампании 1809 г. через Эсер (Богемия) пехота в своих шинелях имела швейцарский вид.

D: Вербовка рекрутов в Венгрии, 1811 г.

«Я не питаю особой надежды, что удастся всегда сохранить венгерские полки в штатном составе, укомплектованными исключительно добровольцами» (Эрцгерцог Карл). Чтобы находить «добровольцев», вербовочным партиям прибегали к настоящим актерам, одетым в изысканные одежды, которые танцевали на местных ярмарках. «Исполнители начинали с медленных и размеренных шагов, а далее переходили к более энергичным движениям. Они хлопали себя по рукам, потом по башмакам и затем резко сводили пятки вместе. Так они танцевали до тех пор, пока... крестьяне не приходили в восторг и не присоединялись... Создать ради эффекта добавляли кое-что еще... не останавливаясь, пока шпторы буквально не ломались и... усталость брала свое». Разгоряченные посетители приглашались записаться в добровольцы, и вскоре обнаруживали себя выступающими в поход. Другой уловкой, показанной здесь, было использование цыганского оркестра, большого количества вышивки и привлекательных девушек. Останавливаясь в рынках, цыгане играли задорные мелодии, а одно из девушек к киверам на головах приглашали юношей танцевать. Если, танцуя, девушки ухитрялись надеть кивер на голову парня, он считался завербованным. Одетый в праздничный наряд, этот славянский крестьянин из округа Нейтра, относившийся к 2-му пехотному полку, намеревался завоевать внимание местной крестьянской девушки, но оказался в ловушке. Пытавшимся сопротивляться сразу же наделили наручники и отравили в дальнюю дорогу.

«Из этих резервных батальонов будут покрываться потери боевых частей; в первую очередь в действующую армию будут отправляться те, кто дольше других пребывал в запасе; при равном сроке службы очередность будет определяться жребием... Прежде чем солдат присоединится к линейному полку, он должен будет в течение нескольких лет проходить обучение в качестве резервиста... чтобы в военное время в войска больше не поступали необученные пополнения».

Нормальный ход формирования резервов был нарушен в 1809 г. вспыхнувшей очередной войны. Отпускников начали призывать с ноября 1808 г., но многие из них так и не появились в частях, так что большинство третьих батальонов пришлось комплектовать из новых рекрутов, прошедших только ограниченный курс обучения. На первом этапе войны большую часть из них было

бесплодно использовать в боевой обстановке. Чтобы все-таки обеспечить действующую армию подкреплениями, многие третьи батальоны пришлось отправить в Моравию, где они прошли дополнительную подготовку до битвы у Асперна. По указанию гофкригсрата в сентябре 1812 г. был возрожден план формирования резервов (это не касалось венгерских частей), согласно которому в 1813 г. были созданы ландверные батальоны. Во время обучения в них рекруты получали денежное и продовольственное содержание, как в линейных войсках, но должны были сами обеспечивать себя обмундированием (галлицийские части получали от казны особые блузы и фуражные шапки, сохраняя наименование «резервных»).

Когда 63-й пехотный полк начал усюрюнную подготовку к началу военных действий, в него хлынул настоящий поток час-

тично обученных солдат. «Отпускники присоединились к нам ежедневно; из них были сформированы четыре отдельных роты, где два раза в день они обучались обращению с оружием... Мы получили в июле 1812 г. 1,200 новых рекрутов, называемых «резервистами», которые до конца октября 1812 г. обучались стрельбе из мушкетов, а затем отправлены в отпуск... Весной 1813 г. резервисты были вновь вызваны для дополнительного обучения, так что роты третьего батальона были укомплектованы до полного штата» (Рэбл). Подполковник [oberstleutnant] добавлял: «В августе 1813 г., только за шесть недель до выступления в поход на театр военных действий, мы получили 1,300 недавно призванных рекрутов из галлицийских уроженцев. В результате чрезвычайных усилий всего офицерского состава за этот короткий промежуток времени нам удалось вымуштровать их так, что они мог-

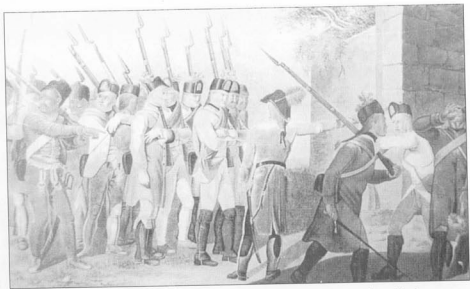

Пехотинцы и раненый ополченец на отдыхе в лагере, 1790-е гг. Солдат справа носит свой хлеб в отдельном мешке и пользуется металлической фляжкой для воды образца 1773 г. На заднем плане войска занимают учениями. (Картина Кобелля)

Знамена

Батальонные знамена показывали местонахождение части и обеспечивали хорошо заметный ориентир для унтер-офицеров, указывающий направление марша. В сражении они обозначали пункт сбора для разброшенных по полю боя подразделений. Такие действия отработывались на учениях, когда по команде батальон производил рассредоточение. Барабанички тогда били сигнал "Сбор" [Vergatterung], который также служил сигналом окончания упражнений.

Линейные батальоны имели по два знамени, а с 1808 г. – по одному. Вручение воинским частям новых знамен проходило в виде большого торжества, переходившего в праздник с банкетом и фейерверком. До 13 октября 1807 г. (после этой даты знамена просто возвращались в полковые депо) существовал общепринятый обычай, согласно которому после освящения новых знамен старые флаги передавались рядовому солдату, который сохранял их в течение 24 часов, чтобы затем передать через капитана полковнику, получая взамен бочонок вина. В военное время такие церемонии не устраивались: потеря два знамени в битве у Дрездена (в августе 1813 г.), 56-й пехотный полк сражался в течение всей зимней кампании без знамен. Новые знамена были присланы 27 февраля 1814 г., как раз в момент наступления французских войск на австрийцев. «Знамена... были немедленно приняты полковником и майором среди приветственных криков солдат. Поскольку бой продолжался и пражские пушечные ядра падали прямо в солдатские ряды, сея смерть, полковник, фельдфебель, четыре капрала, два барабаничка, восемь ефрейторов, сапер-

Месяцы, проведенные в кампании, по-разному влияли на поведение войск. Солдат справа покупает выпивку у жещицы-крестьянки, а капрал пытается вернуть его в строй. Слева – солдат Сербского фрейкорпса, присоединившийся к этой части. (Зееле, около 1795 г.)

Гренадеры на марше, до 1798 г. Они несут свои ружья в различных положениях. Эмблемы на фронтальной стороне чехов меховых шапок обычно были нарисованными. (Оттенфельд)

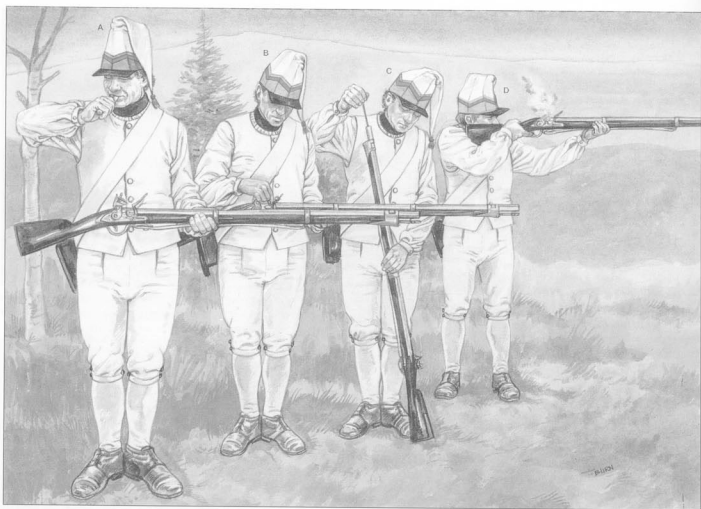
же были развернуты и впервые подняты над головами. С оружием в руках, собравшиеся вокруг войска покланялись в верности своему знамени, и тысячи голосов подхватили провозглашенный генералом клич «Ура!», клич, который заглушил даже пушечный грохот. Полк двинулся вперед, на французев (Анонимный офицер). Важность этого символа части продемонстрировал в 1809 г. ефрейтор 3-го пехотного полка, который, чтобы избежать его захвата врагами, оторвал полотноще батальонного знамени от древка и переплыл с ним Дунай у Регенсбурга.

Командование

В 1790 г. в состав роты входили: капитан, обер-лейтенант, унтер-лейтенант, прапорщик, фельдфебель, четыре капрала, два барабаничка, восемь ефрейторов, сапер-

плотник [Zimmerman] и 91 рядовой; штатное расписание гренадерской роты включало 99 рядовых (не имелось ни прапорщиков, ни ефрейторов), пополняясь простыми пехотинцами по мере необходимости – например, в 1795 г. в гренадерскую роту 4-го пехотного полка были переведены 50 солдат-ветеранов из 3-го батальона.

Фельдфебель фактически выполнял обязанности ротного адъютанта, ответственно за внутреннюю организацию части, ведение документации и обучение солдат. Он отвечал за распределение хлебного довольствия, используя для этой цели отдельную палатку в тыловой линии при нахождении в полевом лагере или соответствующее место в гарнизоне. Уставы 1807 г. разрешили ему наказывать солдат с помощью трости (из орешника; с 1803 г. из испанского тростника – Spanisches Rohr), но при этом ука-

Е: Обучение рекрутов стрельбе из мушкетов (Регламент 1806 г., стр. 4).

A: *Sprinnt den Hahn!* (Взводи курок!) – большой палец правой руки натягивал курок до щелчка, что обозначало положение ударника на первом взводе (*half-cock*). *Ergreift die Patrone!* (Вьешь патрон!) – правой рукой вынимался патрон из подсумка, пуля рядом с маленьким пальцем. Патрон надкусывался со стороны порохового заряда.

B: *Pulver auf die Pfanne!* (Сыпь порох на полку!) – порох насыпали на полку замка до нужного уровня. *Schliesst die Pfanne!* (Закрой полку!) – нажатием последних двух пальцев на огниво полка закрывалась. *Schwenkt zur Ladung!* (Обороти ружье!) – оружие опускалось на землю у носка обуви левой ноги и удерживалось в вертикальном положении.

C: *Patrone in Lauf!* (Патрон в дуло!) – порох высыпался из патрона в ствол. Затем в ствол нажатием большого и указательного пальцев вдавливалась пуля. *Ladstock in Lauf!* (Шомпол в дуло!) – шомпол правой рукой насколько возможно загонялся в ствол, тем самым до отказа загоняя пулю в канал, затем шомпол вынимался и операция повторялась снова.

D: Для приобретения споровки проводилась учебная стрельба. *Fert!* (Товсь!) – правая рука охватывала шейку приклада, а большой палец полностью взводил курок. *An!* (Целься!) – солдат поворачивался в правую сторону, одновременно отставляя правую ногу на один фут позади левой. Ружье резко переводилось в горизонтальное положение, и указательный палец вводился внутрь скобы спускового механизма. Приклад вжимался в плечо; левый глаз закрывался, а правый глаз смотрел по линии ствол-цель. *Feuer!* (Пу!) – Если патрон выстреливался, из затравочного отверстия шел дымок. Если затравочное отверстие было забито гарью, рекрут должен был прочистить его с помощью затравочной иглы. В бою, команды *Fert*, *An*, *Feuer!* отдавались непрерывно, пока не следовала команда *Setz ab!* (Прекратите огонь!). Учебные стрельбы проводились с деревянными патронами той же самой длины, что и боевые заряды. В ударник вставлялся эрзяц-кремель [Hornstone], передний скот которого специально притулялся, чтобы избежать повреждения огнем. Для учебной стрельбы, заполненный песком бочонок с нарисованными на нем тремя черными мишенями, соответствующими голове, груди и нижней части туловища, устанавливался на высоте шести венских футов. Солдата обучали стреляться попасть в первую очередь в грудную мишень, на mentioned distances in 150, 200-250 and 300 шагов.

зависало, что он должен «больше заботиться об оказании положительного влияния на солдат личным примером».

Роты были разделены на две полуроты, которые в свою очередь подразделялись на два взвода. Командирами взводов были старшие капралы, и эта должность считалась одной из наиболее утомительных в армии. Она подразумевала очень широкий круг обязанностей: надзор за обучением и дисциплиной солдат; выполнение требований всех уставов; проверки внешнего вида солдат, состояния их униформы и амуниции.

Каждый день он должен был докладывать фельдфебелю о положении дел в его взводе. Когда ротные штаты и соответственно число капралов увеличивались, взводы разделялись на отделения [Korporalschaften], которыми командовали капралы.

В военное время штат каждой роты возрастал до шести капралов, 12 ефрейторов и 160 рядовых (численность последних с конца 1792 г. увеличилась до 200 человек), хотя многие роты насчитывали в своих рядах только трех офицеров и 120 нижних чинов. Все командирские вакансии должны были

быть заполнены, а поскольку не существовало никакого резерва командного состава, в армии приходилось использовать систему заместителей [Stellvertreter]. В мирное время назначались кандидаты на «временное» [Vize] исполнение определенных должностных обязанностей. Именно за счет этих «временных» чинов роты в случае необходимости доводились до штатов военного времени. Вакантные офицерские должности могли заполняться кадетами [Kadetts] или унтер-офицерами, но при этом из последних фельдфебель должен был оставаться на сво-

Во время привала на марше в 1805 г. пехотинцы отдыхают – кто курит трубку, кто достает воду из колодца. Обратите внимание на солдат-грабичар слева в униформе двух образцов.

ем росту; на освободившиеся унтер-офицерские места выдвигались наиболее подготовленные люди из рядовых солдат. Такая система, помимо прочего, представляла собой своеобразную школу, где кандидаты на унтер-офицерские и офицерские звания подвергались проверке, соответствующей их личные и деловые качества новым требованиям, чтобы в дальнейшем они могли занимать эти места на постоянной основе. Из числа ефрейторов назначался два вице-капрала, а из числа рядовых – один вице-ефрейтор. У гренадеров из рядовых назначался один вице-капрал, при этом дополнительные посты заполнялись временными заместителями или лучшими солдатами.

Первоначально ефрейтором мог стать солдат, прослуживший по крайней мере 12 лет. Получив это звание, он освобождался от обычных солдатских повинностей, теперь ему вменялись обязанности контролировать солдат своего отделения и помочь новобранцам в привыкании к службе; он также должен был собирать деньги на общий стол. В боевой обстановке, ефрейтор возглавлял пикеты и патрули. Являясь ближайшим примером и образцом для подражания, как по воинской выучке, так и по соблюдению дисциплины, занимающий этот пост военнослужащий оказывался на первой ступеньке возможного для способного рядового продвижения по службе.

Изменения в организации армии, проводившиеся с 1807 г., увеличили штатное расписание роты: теперь в ней имелись один фельдфебель, шесть капралов, семь вице-капралов, два барабанщика, сапер, восемь ефрейторов и 153 рядовых (173 рядовых в венгерских частях). В военное время добавлялись 20 рядовых и два капрала, последние как временные заместители. Один капрал мирного времени переводился в постоянный разряд. Также назначались еще один сапер и четыре ефрейтора, и командование должно было определить кандидатуры еще по крайней мере двух рядовых и кадетов, чтобы заполнить освободившиеся должности в боевых условиях. В гренадерской роте имелось 13 капралов (при наличии дополнительных вице-капралов мирного времени) и 120 гренадеров; ефрейторы в штате отсутствовали.

Все унтер-офицеры должны были быть грамотными; более того, увеличившаяся численность роты повысила требования к уровню подготовки унтер-офицерского состава в батальоне: «Когда 63-й пехотный полк в 1813 г. начал испытывать недостаток в унтер-офицерах, ко мне направили 30 человек из резервных частей, которые имели определенные способности и могли говорить по-немецки. Я обучил их чтению, письму, математике и

Палатки изготавливались из полотна, имели около 2 м в высоту, 1,9 м в ширину и длину, достаточную для размещения 4-5 человек. Каждому офицеру полагалась отдельная палатка, материалом для которой служил поутраченный материал типа саржи с подкладкой из холста с растительным рисунком. Её размер и отделка зависели от ранга офицера. В свернутом виде каждая палатка хранилась в специальных холщовых мешках, которые паковались вместе с кухонным оборудованием и перевозились на вьючных лошадях.

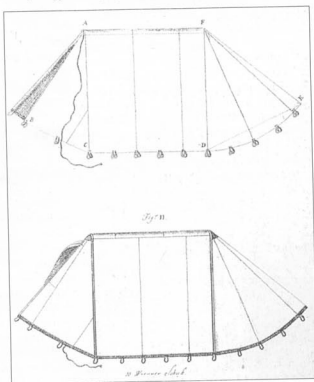
другим необходимыми предметами, чтобы их можно было произвести в унтер-офицерах» (Ражб).

Офицерский состав

Хотя по национальности офицерский состав главным образом состоял из немцев и венгров, барон Вольф отмечал: «Офицеры принадлежали к различным национальностям; среди них в 1794 г. я встречал французцов, бельгийцев, люксембургцев, хорватов и шведов». Также встречались испанцы и датчане. Общий уровень их подготовки к 1798 г. упал настолько низко, что офицеры стали подвергаться постоянной критике.

Прерыв отдых французских солдат в таверне, австрийские пехотинцы и зулар наслаждаются обществом пары девиц, покуривая трофейные трубки. (Зееле)

Цах обнаружил в них недостаток воинского духа и стязательские настроения:

«Прапорщик интересуется только питанием, жалованием и наградами... Продвижение по служебной лестнице определяется интригами, покровительством или рутинной выслугой лет... Когда полковники и командиры рот собираются вместе, они по большей части обсуждают размеры платы за обучение вверенных им частей и очень редко о военных проблемах... Офицеры очень далеки от солдат; они не находятся среди них, а живут в городе... они совершенно не знают своих солдат, им неизвестны их имена, фактически они не имеют к ним никакого отношения, не заботятся о них... и поскольку нет никакого внимания со стороны командиров, не может быть никакого доверия со стороны подчиненных».

Многие офицеры покидали лагерь всякий раз, как только представлялась такая возможность. Раух вспоминал, что в 1799 г. офицеры частей, расквартированных у Люцерна, стекались «в Ла Торре. Там было множество красивых и образованных женщин, которые со счастливыми улыбками вели с нами беседы под пристальными взглядами их родителей; наполненное невинными играми и танцами время текло настолько незаметно, что мы редко расходились до полуночи».

После войны Второй коалиции стало окончательно ясно, что уровень подготовки офицеров никуда не годится: «Учебные лагеря 1802 г. продемонстрировали полную неспособность офицерского корпуса». Подвергнутые резкой критике за трату большого количества времени на банкеты, чем на обучение, по результатам проверки лагерей в сентябре 1804 г. офицеры продолжали показывать, что «они не имеют понятия, как использовать свои умения в случае самостоятельных действий» (Репорты).

Молодые офицерские кадры происходили из трех основных источников: фанен-кадеты (с 1798 г. прапорщички); выпускники Военной академии в Вилер-Нейштадте или Инженерной школы; обычные и полковые (ex-progris) кадеты. Обычные кадеты назначались гофкригсратом и чаще всего были сыновьями служащих в армии офицеров; в последнюю категорию, куда зачисление производилось по желанию полковника, могли включаться и простые солдаты. Такие кадеты могли стать или унтер-офицерами или офицерами, в зависимости от проявленных ими способностей (в период временного исполнения различных унтер-офицерских обязанностей). Нехватка офицеров, закончивших академию, побудил эрцгерцога Карла учредить в 1808 г. вспомогательные кадетские школы, которые комплектовались юношами из семей среднего и низших классов. После производства в чин, офицеры проходили дальнейшее обучение в полковой учебной школе [Erziehungshaus] непосредственно в гарнизоне.

Хотя продолжавшая господствовать в Венгрии феодальная система приводила к тому, что бывший крестьянин вряд ли мог

Гренадеры, солдаты специализированных частей и пехотинцы в фуражных шапках на отдыхе в лагере. Большинство солдат так и не сняли свои сабли и штыки. 1790-е гг.

В течение всего периода Революционных войн немецкие крестьяне оказывали содействие австрийским войскам. Французы были хорошо известны как грабители — австрийцы обычно покупали съестные припасы.

подняться выше капральского чина, в западных полках положение дел было иное. Боевые потери офицерского состава, с одной стороны, и недостаточное число молодых офицеров, прибывающих из академии, с другой стороны, позволяли кадетам даже простого происхождения расти по служебной лестнице, начиная с фельдфебельского звания, в которое производили за храбрость в бою. Полковые адъютанты (должность соответствовала старшему фельдфебелю) автоматически были произведены в этот чин, после его введения в марте 1803 г.

Учреждение ландвера в 1808 г. потребовало производства в чин молодых унтер-офицеров, находившихся на действительной службе. Батальонные командиры могли заполнить офицерские вакансии способными рекрутами; одним из таких рекрутов был Ржиб, мелкий служащий, который после призыва на военную службу был назначен прапорщиком во 2-й ландверный полк Бунлау. Когда ландвер был расформирован, таким бывшим гражданским лицам было разрешено присоединиться к армии; Ржиб,

в частности, поступил в 63-й пехотный полк. Другие добровольцы получили направление непосредственно в армию, включая фон Эисе, которого назначил прапорщиком в 47-й пехотный полк его полковник, несмотря на недостаточное знание языков у этого уроженца Северной Германии: «Большинство солдат говорили только по-чешски». Он купил амуницию и снаряжение офицера, убитого в битве у Асперна, и обменял свою шляпу на кивер». Оказавшись в полку, он к своему большому удивлению обнаружил, что культурный уровень большинства его новых товарищей-офицеров чрезвычайно низкий.

Большое количество унтер-офицеров было произведено в офицеры ландверных батальонов в 1813 г. Стало возможным и немедленное продвижение по службе. Примером может служить сражение у Валеджо 8 февраля 1814 г., в ходе которого батальон 4-го пехотного полка, маршировавший колонной по взводу, попал под картечный залп. За проявленную храбрость при введении в порядок своего дезорганизован-

Турецкие войны 1788-1791 гг.

Вербовка рекрутов в Венгрии, 1811 г.

Обучение рекрутов стрельбе из мушкетов.

Венгерские гренатеры в сражении у Вюрцбурга, 3 сентября 1796 г.

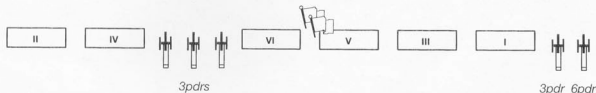
Гренадеры и пехотинцы в лагере, около 1811 г.

Они тоже пришли в Россию, 1812 г.

«Вы не видели австрийцев в битве у [Асперна-]Эссlinga; поэтому вы вообще ничего не видели» (Наполеон).

Пехотный батальон 1769 г. с артиллерийскими орудиями малого калибра, размещенными между дивизионами. Роты выстроены для маневров и перестроений, опираясь на правый фланг. Каждая рота сформирована в боевую линию глубиной в три шеренги.

Формирование взводов из третьей шеренги батальона (Устав 1769 г.)

Z – барабанички и саперы.

С 1790-х гг. солдаты, входившие в третью шеренгу, сводились в большие взводы [platoons], предназначенные для выполнения разнообразных задач. Согласно Уставу 1769 г., третья шеренга в полном составе должна была направляться на один из флангов и там удлинять боевую линию, причем одна половина шеренги выстраивалась позади другой. Находясь в двухшереножном строю, передняя шеренга не становилась на колени для стрельбы. Двухшереножный строй использовался для обороны земляных укреплений, где не было достаточно места.

После получения офицерского звания, бывшие солдаты могли получить и дворянство с титулованием «фрейхерр» [Freiherr – безземельный дворянин], которого они удостоивались за долготельную службу, выдающуюся храбрость или при достижении генеральского чина. Обер-лейтенант Иоганн Георг фрейхерр Фастнер фон Неймаркт (1769-1811) начал свою военную карьеру, став солдатом в 14 лет. Был награжден серебряной медалью «За доблесть» в 1793 г.

в бою при Моберге и стал сфрейхерром; награжден золотой медалью «За доблесть» в 1799 г. в бою при Вероне, будущи адъютантом; произведен в офицеры в 1803 г. Уже обер-лейтенантом, в 1809 г. после сражения у Неймаркта он был награжден Крестом ордена Марии-Терезии, получив вместе с ним патент на дворянство.

Хотя немного людей простого происхождения (в эту категорию входили Мак, Хиллер и Браун) стали генералами, млад-

ший офицерский состав включал относительно немного дворян; большинство фрейхерров получило свои патенты за проявленную храбрость в бою или были сыновьями отцов, ставших дворянами. Даже в элитном 4-м пехотном полку в 1788 г. из 80 младших офицеров только два были баронами и 11 – фрейхеррами; в 1813 г. из 134 находившихся на службе младших офицеров два были графами, 17 – баронами и 15 – фрейхеррами.

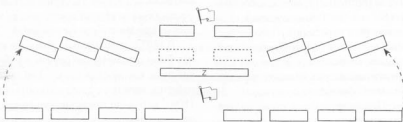
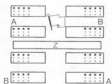
В соединении с улучшенным обучением офицеров – особенно благодаря использованию для этой цели сборника инструкций по полковому обучению войск «Beitrag zum praktischen Unterricht im Felde» – обновление младшего офицерского состава в последние годы наполеоновских войн заметно повысило его профессиональный уровень. Эрцгерцог Карл в 1809 г. так оценивал результаты деятельности командиров австрийской армии: «Среди солдат господствует высокий воинский дух. Ими хорошо командуют, они дисциплинированы и способны к более сложному маневрированию, чем

прежде... Но, конечно, эта эффективность ограничена уровнем отдельных полков и их командующих. Большие войсковые соединения не получили четкую организацию, и тем более не обучены совместному действию.

Награды и наказания

Первоначально, наградой за боевые отличия служило денежное вознаграждение, но в 1789 г. император Иосиф II учредил медаль «За доблесть», имевшую две степени. Золотая медаль сопровождалась выплатой пожизненного денежного пособия в размере половины жалования, а серебряная – увеличивала жалование на службе на 50%. Каждый награжденный получал наградную лист, где описывался его подвиг. В листе фельдфебеля Антона Лозерта из 18-го пехотного полка, отличившегося в битве у Асперна, можно прочитать следующее: «Опустошение в рядах 18-го и 15-го пехотных полков, вызванное огнем вражеской артиллерии, вынудило их заколебаться, когда этот храбрый воин подхватил знамя, выпавшее из рук раненого знаменосца, и воззвал «За мной!». Спасение этих полков стало прямым следствием его героического призыва». Рядовой Зейбт из 9-й роты был награжден серебряной медалью и шестью дукатами за пленение французского полковника в битве при Ваграме. Медали, врученные в 1794 г. военнослужащим 18-го пехотного полка, лучше всего говорят о том, что фундамент армии составлял именно унтер-офицерский состав: один фельдфебель и один капрал получили золотые отличия; пять фельдфебелей, 10 капралов, один фю-

2-ая (центральная) дивизионная «масса», сформированная из батальона в линейном строю

A – саутманн; B – обер-лейтенант. (Обратная расстановка для 3-го дивизиона). Z – барабанички и саперы.

Z

Формально, согласно Уставу 1807 г., массированные построения были введены для того, чтобы дать возможность войскам быстро перестроиться в линейный порядок в артиллерийский строй с саперами и музыкантами в центре. Однако, очень скоро на поле сражения они стали основным боевым порядком.

Ф: «Вы не видели австрийцев в битве у [Асперн-]Эссинга; поэтому вы вообще ничего не видели» (Наполеон).

Один из самых тяжелых боев в этой битве произошел в самом селении Асперн. Отдельные группы создали закрепили каждый дом, как маленькую крепость, не в состоянии увидеть что-нибудь вокруг из-за густого дыма. Там сражались на каждой улице, в каждом доме и даже сарае; чтобы свалиться в рукопашную с врагом, приходилось под непрерывным огнем преодолевать массу препятствий, включая попадавшие на пути телеги, плуги и борозны... Каждый забор представлял собой серьезную преграду для наступающего и хорошую оборонительную позицию для защитника... В селении невозможно было надолго удержаться где-либо; едва мы успевали захватить передок или дом, как враг брал штурмом соседний и вынуждал нас оставлять улицы» («Воина 1809 года», том 4).

За обладание церковью разгорелась особенно жестокая борьба. «Мы штурмовали кладбище и вскоре изгнали оттуда французов. Едва мы успели занять там позиции, как свежие французские силы атаковали нас и заставили отступить. Но дорогу назад нам преградила кладбищенская стена [высотой четыре фута], которую мои товарищи перепрыгнули. Я, однако, был слишком маленьким и со своим тяжелым ранцем и прочим снаряжением не смог её преодолеть. Кругом царил ужасающий свист и беспорядок: французы с штыками наперевес приближались к нам с правой стороны. Я уже считал себя погибшим, когда бездумно мимо боевцев обхватил меня сзади, поднял в воздух и перебросил через стену... Еще секунда, и я был бы взят в плен или убит» (Френрих Голтер, 47-й пехотный полк).

пер [Führer – старший унтер-офицер], один эфрейтор и три рядовых получили серебряные отличия. Так же обстояли дела и в следующий период. В битве при Валеджо (1814 г.) три фельдфебеля, один капрал и один рядовой 1-го батальона 4-го пехотного полка были награждены медалями за штурм Иль Фурури.

Телесные наказания, как по приговору суда, так и внесудебные, были обычны, хотя редко применялись в сражении. Ореховая трость капрала, символ его полномочий, толстой равной калибру мушкета (18,3 мм), была в его руках основным инструментом, при помощи которого он поддерживал у солдат необходимое равнение в линию. Не разрешалось наносить удары по голове, по лицу или по ногам. На должность порофоса назначались унтер-офицеры-ветераны; в их функции входили аресты военнослужащих и расследование их проступков для последующей передачи результатов на рассмотрение аудитора (во-

енного юриста). Им придавалась небольшая команда помощников. Командование отдавало приказы на немедленный арест за подстрекательство к побегу или попытку дезертирства, а также в случаях обвинения солдата в воровстве денег или вещей.

В 1807 г. военные суды были реформированы. Грамотный рядовой или унтер-офицер могли выступать в качестве одного из заседателей [Mitrichter] трибунала, состоявшего из трех человек. После слушания, аудитор должен был определить тяжесть преступления и назвать статьи Военно-судебного кодекса, относящиеся к данному случаю. Драка наказывалась 60 палочными ударами; плохое обращение с оружием – 50 ударами. Правонарушители также подвергались заключению на гаувахте с лишением на этот срок жалованья. Серьезные проступки приводили к понижению в должности, заключению в крепости, вроде Мункача, или даже смертной казни [execution].

Наказание проводилось посреди ротных палаток или, при нахождении в гарнизоне, перед домом капитана. Рота выстраивалась в полном составе, после чего провинившиеся подвергались палочным ударам под наблюдением капрала. Эфрейторы наказывались не перед общим строем, а в присутствии только унтер-офицерского состава. Капралы и военнослужащие более высоких рангов не подлежали телесным наказаниям, но могли подвергаться аресту и суду после соответствующего предуредления.

В 1807 г. телесные наказания для капралов были отменены, но случаи ограбления крестьян военнослужащими 2-го пехотного полка, наряду с серией поджогов, в июне 1809 г. побудили командование возвратиться к этим дисциплинарным мерам. Как и во всех странах, Военно-судебный кодекс предусматривал высшую меру наказания за наиболее серьезные преступления. Согласно директиве, датированной октябрем 1798

Застрельщики венгерской пехоты в 1790-е годы: оружие всегда должно быть заряжено. Обратите внимание на кирку в чехле, закрепленную на ранице. (Отметфелю).

г.; имущество дезертиров подлежало конфискации. Ставшее серьезной проблемой в итальянских и венгерских войсках в течение войны Второй коалиции, дезертирство влекло за собой смертный приговор только в условиях военного времени. Так, в ночь на 13 апреля 1809 г. с бивуака неподалеку от Мюльдорфа сбежали барабанщик Мей и рядовые Шаке и Депре, все иностранные волонтеры. Пойманные кавалерийским патрулем, они были расстреляны на следующий день перед фронтом 4-го пехотного полка.

В кампании

После отдачи соответствующих приказов через три дня началось укомплектование рот до штатов военного времени. Большинство полков достигало готовности в пределах 35 дней. Возвращение на действительную службу отпускивков (40 человек на роту) и поставки дополнительного снаряжения требовали от двух до трех месяцев. До 1798 г. необходимо было выдвигать одного капитала и 29 солдат в качестве помощников артиллеристов [Handlangers], которые придавались батальонным артиллерийским частям, где выполняли функции подносчиков снарядов и накатчиков орудий. В гренадерских частях для этих целей требовались один капитал и 10 солдат.

В 1790-х годах в походах войска маршировали приблизительно по шесть часов в день. К 1800 г. в Италии продолжительность марша возросла до 10 часов в день: «Около 9 часов утра... батальон начал марш, выступив в поход по-взводно, имея в голове дивизион, в котором я служил. Одна рота держалась справа и другая слева от основной дороги, всегда находясь на одной линии друг с другом, оставляя дорогу свободной для передвижения артиллерийских орудий» (Раух).

Они представляли собой прекрасное зрелище: «Мы обогнали несколько пехотных полков, следовавших на соединение с главной армией в Италии [в 1814 г.]; солдаты выглядели здоровыми и хорошо обмундированными, на своих шапках они носили лавровые или сосновые веточки». Другой очевидец в 1809 г. в Ландсхуте наблюдал, что «улицы были заполнены войсками, которые распевали боевые и славянские военные песни; они проходили через город и следующие два дня».

Марши становились серьезным испытанием для новых рекрутов. В 1805 г. майор Малер из 6-го батальона 49-го пехотного полка через несколько дней после выхода части в поход констатировал: «За время этого форсированного марша я потерял много солдат; некоторые из них были оставлены позади вследствие полного из-

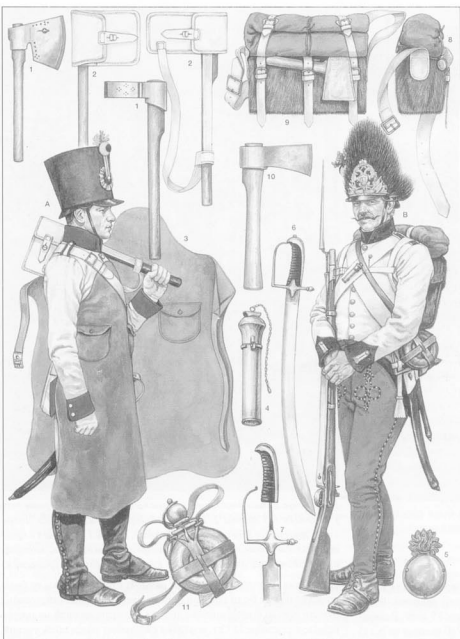

Достигнув линии досаждаемости вражеского огня на опушке леса у Стоаха (25 марта 1799 г.), эскадроны отказываются позволить эрцгерцогу Карлу вести их дальше. Карл в 1796 г. ввел в практику их сосредоточение в виде резервных дивизионов, которые предназначались для действий в ключевых пунктах сражения.

неможения, некоторые покинули ряды из страха, поскольку большинство из них были недавно прибывшими необранцами, которые думали только о возвращении домой». Муштра никогда не прерывалась: в сентябре 1813 г. «солдаты ежедневно занимались учениями, даже находясь на марше, а по прибытию в лагерь переходили к стрелковой подготовке». Мушкеты хранились заряженными и должны были считаться каждые две-четыре недели или после дождя.

Армия была обеспечена продовольственными магазинами; до 1805 г. из тактических соображений потребность в снабжении ограничивалась запасами из расчета пятидневного марша. Продовольствие подвозилось в войска обозными колоннами, но также использовалась закупка провiantа у местных жителей, чтобы пополнить запасы; питьевая вода добывалась только из местных источников. Нехватка продовольствия была главной причиной увеличения числа дезертиров в начале Революционных войн: «190 рекрутов дезертировали из пехотных полков... и они стреляли в тех, кто оказывался у них на пути. Транспорт с подкреплениями всегда прибывает приблизительно в половинном количестве от того, с которым они отправляются в дорогу» (эрцгерцог Карл).

В 1792 г. каждый полк имел 14 провiantских фургонов и полевую кузницу [Feldschmeid], каждая рота располагала шестью зарядными ящиками с упряжками по четыре лошади и 54 вьючными лошадьми; это количество к 1809 г. уменьшилось до полевой кузницы, десяти фургонов с упряжками по четыре лошади и 26 вьючных лошадей на полк. Вьючные лошади двигались по сторонам походной колонны, переносили палатки, продовольствие и запасы амуниции первой необходимости. Провiantские фургоны перевозили продукты от главной обозной колонны в части, а также предметы униформы, чтобы пополнить полевые запасы (на полк полагался запас из 200 пар обуви, 75 пар гетр, 200 панталон, 200 пар трусов и 800 рубашек). В тылу обозной колонны собиралась кампания под-

G: Венгерский grenadier и сапер (пионер), 1798-1816 гг.

«Среди всего разнообразия униформ австрийской армии, венгерские grenadiеры представляли собой изумительное зрелище». Меховые шапки венгерских grenadiеров высотой 32 см «замечались» так же часто, как их аналоги из Императорской гвардии Наполеона: в сражении при Экиноле (где их совсем не было) и в битве при Маренго (участвовало только три из пяти grenadierских батальонов Ланттермана).

A: Сапер носит кивер образца 1811 г.

1. Топор и кирка [Zelthacke]. 2. Топор, носимый в чехле. 3. Передний сапера.

B: Grenadier носит меховую шапку образца после 1801 г. с боковыми клапанами и козырьком. Его волосы — длиной в один дюйм, что было установлено декретом от 30 июля 1805 г.

4. Фляжка [Match case]. 5. Значок в виде гранаты, который носился на крышке патронной сумки, а с 1811 г. на перевязи. 6. Сабль образца 1777 г. 7. Сабль образца 1802 г. с железной гарнитурой. 8-9. Ранец образца 1769 г. 10. Пехотная кирка образца 1771 г., носимая в чехле на ранце. 11. Деревянная фляга для воды старого образца.

Два последних предмета снаряжения согласно уставу нес только каждый второй солдат.

Немецкий пехотинец в сторожевом охранении ночью. Копиру картину Зесле, написанную около 1795 г., Кунце чересчур улекся венгерскими панталонами и сапогами, которые он здесь ошибочно изобразил. Большинство солдат были чисто выбритыми.

рядчиков, маркитантов и торговцев мясом, которые отказывались находиться близко к линии фронта. В Баварии в 1809 г. Розенберг стал свидетелем полной неразберихи: прованские фургоны и стадо рогатого скота обнаружили в колонне главных сил, а поставщики «разбрелись по деревням впереди войск и занимались фуражировкой по своему желанию»; мулы, нагруженные кухонными принадлежностями, и вьючные лошади «втиснулись между пехотными взводами».

Армия снабжалась хлебом (который пекли в походных печах), водой и мясом. Каждый солдат нес двухдневный запас хлеба, полученный из продовольственных магазинов, который хранился в ранце из телячьей кожи вместе с запасной одеждой (галстук, рубашка, пара чулок и фуражная шапка), фляжкой с маслом и личными вещами, а также ружейными принадлежностями.

Хлеб был обычно черным и низкого качества. Войска предпочитали получать мясо, которое продавалось им по цене 5 крон за один фунт убойного веса скота из стада, следовавшего за армией. Все осталь-

ное, включая спиртные напитки, они должны были покупать у маркитантов. Еда была самой разной, от простейших блюд вроде супа с клецками и квашеной капусты до изысканных кушаний наподобие дикой утки по-моравски или жареного цыпленка по-венски. Войска также закупали фураж и продовольствие у местных крестьян, в то же самое время получая от них разведывательную информацию. Уставы разрешали конфисковывать имущество на вражеской территории, хотя такие действия (фактически мародерские) ограничивались по политическим соображениям, особенно в Баварии.

В 18-м столетии оба противника отошли бы на зимние квартиры приблизительно в начале ноября и возобновили бы военные действия не раньше начала апреля, но начиная с 1796 г. война продолжилась зимой кампанией, и войскам пришлось испытать все связанные с этим трудности (например, для защиты головы от холода под уставными касками чаще всего носили фуражную шапку). В 1805 г. 4-й пехотный полк, составленный арьергард колонны под командованием Мерфельда, достиг Лунца, где вой-

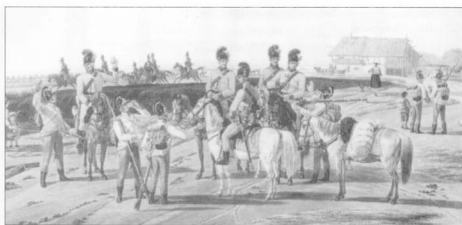

Тяготы несения службы в аванпостах требовали определенной компенсации, особенно для этого капрала, командовавшего отдельным подразделением в южной Германии. (Безле)

кам пришлось разбить лагерь прямо на снегу. Голодные солдаты передовых частей ели все, что могли предложить местные крестьяне, и для 4-го полка не осталось ничего. Один прапорщик обнаружил, что не может добыть себе кусок хлеба, даже предлагая за него золотые часы. Дорога на Нейхауз за ночь покрылась льдом — и сотням солдат пришлось тянуть пушки на канатах по такому тяжелому пути, поскольку лошади были совершенно истощены из-за недостатка фуража.

Русские союзники временами оказывались хуже, чем французские противники: «С трудом сумев запастись провизией, мы были разбужены в 3 часа утра, чтобы продолжить отступление. Теперь наши страдания удвоились. Нехватка всего необходимого снабжения заметно увеличилась, потому что, хотя русские получали продовольствие отдельно, они захватили хлеб и фуражные рационы у наших солдат, несмотря на все попытки противостоять им, и даже увезли в свой лагерь вместе с провиантскими фурагонами багаж наших офицеров» (Малер).

С 1809 г. военные действия приобрели более маневренный характер, что вынудило прибегать к реквизициям в большем количестве; но часто на данной территории почти ничего нельзя было отыскать, и войска просто не знали, где достать продовольствие: Привыкнув за долгие годы опираться на провиантские обозы, теперь они испытывали нехватку многих запасов. В 1809 г. бывали моменты, когда в армейских магазинах оставался хлеб на три дня и сухари на один день, дополненные двухдневным запасом в провиантских фурагонах. Из еды, заранее приготовленной на несколько дней,

Сторожевое охранение и патрулирование часто возлагались на отряды, состоявшие из солдат линейной и легкой пехоты и кавалерии. Венгерская пехота и конные егеря [Jäger zu Pferd] отводят душу, распивая спиртное. Около 1800 г. (Кобельд)

сул был уже съеден, а остатки мяса несли с собой. Недостача провiantа тогда увеличилась еще и потому, что громоздкие обозы не могли нормально передвигаться по ужасным дорогам. Они были сплошь покрыты рытвинами, в которые фугоны часто проваливались — и вся колонна останавливалась.

Инструкции 1807 г. предписывали следующий дневной рацион: завтрак — 1/6 меры бренди; второй завтрак (ланч) — суп с овощами, полфунта мяса, 1/4 фунта риса, 1/8 меры ячменя и/или местных овощей, 0,5 меры пива или 0,25 меры вина; ужин — пиво или вино как на второй завтрак плюс два фунта хлеба. После марша или учения солдаты позволяли себе по два раза в день лакомиться особым австрийским блюдом “Аб-кохен”, которое готовилось из всех доступных продуктов в маленьком горшочке на сильном огне. Мясо и овощи варились вместе, и получалось что-то подобное каринтийской [Carniolean] “Черной похлебке”, только более густой. Прапорщик Хонлер отмечал: «Вокруг было так много насекомых-паразитов, что не в диковинку было выловить вошь из супа».

Пиво, сидр и вино употреблялись гораздо чаще, чем крепкие спиртные напитки. «Я никогда не видел, чтобы австрийцы сражались с таким ожесточением; они все были пьяными от бренди», — писал Массена в

1796 г. В канун Аустерлица, союзнические войска для поднятия боевого духа прибегли к чистой сливovице. Двумя неделями ранее, около Холлабронна, французские солдаты ворвались в винный погреб, находившийся между позициями противников. Ступая недолгий срок «можно было видеть, как русские, австрийские и французские солдаты, заключив временное перемирие, распивали спиртное из одного и того же кубка».

Табаком войска снабжались с местных складов. Солдаты 42-го пехотного полка (Западная Богемия) «начинают в самом юном возрасте приобретать привычку к курению, столь распространенную в Германии». Манделькам в своих воспоминаниях расставляет приоритеты: «Нужно испытать все это на себе, чтобы понять... что за жестокая судьба в течение нескольких дней обходиться без хлеба, однако это переносят с терпением и покорностью доле... но, вне всякого сомнения, когда солдаты испытывают недостаток табака и оказываются перед выбором, на что потратить последние деньги — на покупку хлеба или табака, в конечном счете они предпочитают табак... Я — один из тех, кто может спокойно провести день без хлеба, но не в состоянии ни одного часа оставаться без трубки».

Самой серьезной проблемой была нехватка обмундирования — от казны получа-

Пустиа в ход свои сабли, капрал Хирисель и рядовой Клои из 6-го пехотного полка спасают обер-лейтенанта Стеча, июнь 1793 г.

лось не больше половины от необходимого количества. Когда в 1793 г. погода резко ухудшилась, принц Кобургский отмечал: «Две трети этих несчастных храбрецов – без шинелей». Начиная кампанию 1796 г. в Германии, армия испытывала недостаток 69,127 пар панталон, 267,228 пар трусов, 337,337 рубашек, 49,014 пар гетр, 14,313 пар обуви и 30–40 тысяч шинелей. В бою у Эммингена на 3,000 солдат сражались босиком; у многих не было панталон или гетр. Мушкетеры, поставленные в 1797 г., были на 60% тяжелее обычных.

Качество обмундирования и обуви зачастую было настолько плохим, что приходилось носить по два предмета одежды одновременно. «У многих башмаков подошва была изготовлена из картона, так что при первом же дожде они разваливались; куртки и рубашки шиты гильмины нитками; а панталоны часто составляют такие короткие, что даже мне они подходят с трудом» (эригерцог Карл, который сам имел рост пять футов, или 153 см). В 1809 г. обувь поступала в армию в таком незначительном количестве, что фельдмаршал-лейтенант Елачич должен был реквизировать 50,000 пар в Мюнхене. В результате войскам требовались частые стоянки, которые позволяли, с одной стороны, обзавестись снаряжением и амуницией догнать армию, а солдатам, с другой стороны, привести в порядок и отремонтировать обувь и снаряжение.

Обмундирование, которое шлось согласно уставным требованиям, было из очель плотного материала, что, в сочетании

И: Венгерские гренадеры в сражении у Вюрцбурга, 3 сентября 1796 г.

От солдат, обмундированных в более свободную униформу образца 1769 г., устав требовал, чтобы при наступлении одиначным шагом «пальцы ног были немного повернуты во внешнюю сторону. Оба колена не должны сгибаться, а ноги подниматься как при нормальной ходьбе; шаг не печатается». Далее, «правая рука держится опущенной в естественном положении у бедра, а в левой руке находится мушкет – ладонь поддерживает приклад под торс... рука сгибается в локте, пока оружие не может быть свачено правой рукой, находящейся в горизонтальном положении, за шею приклада».

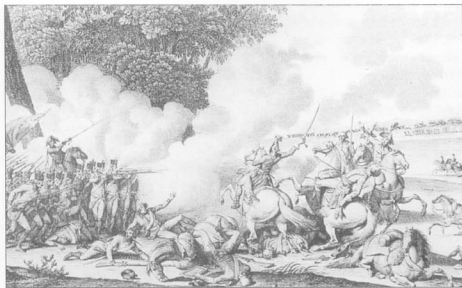
Резервная дивизия (12 грендерских батальонов генерал-майора Вернека) достигла Биберагу около 3 часов пополудни, чтобы сменить кавалерию, до этого момента поддерживавшую правый фланг атаковавшей французов дивизии Штарая. Поскольку французы отступили, австрийцы в 4 часа пополудни начали генеральное наступление по всему фронту в северо-западном направлении. Гренадерский батальон Вернека было приказано очистить от противника район Ротенхофа, чтобы обеспечить непосредственную связь между дивизией Штарая и Резервной кавалерией Вартемселебена. Три грендерских батальона под сильным картечным огнем атаковали Ротенхоф, а одновременно 2-й Славонский граничарский [Slavonischer Grenzer] батальон и фрейкорпус О'Доннела обходили его с флангов по поросшим лесом холмам.

с нехваткой воды в горах Италии и Тироля, сделало летнюю жару в Северной Италии почти невыносимой. Повсюду на юге получила широкое распространение малярия: в болотистых местностях на Балканах ее умерло 5,000 человек; в то же время дизентерия поразила гораздо большее число солдат. В 1788 г. только от болезней и несчастных случаев 4-й пехотный полк потерял свыше офицеров и 1,000 солдат; еще 185 человек умерли в течение зимы.

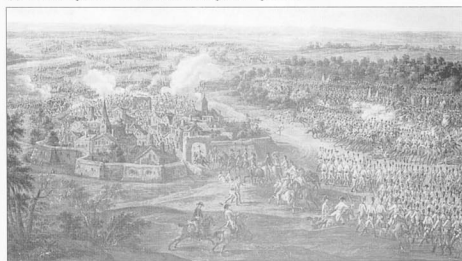
После ледяных зим в северной Европе войскам приходилось выдерживать летнюю жару в Германии, но год на год не приходилось: после открытия кампании 1792 г. Гогеилзо сообщил, что «непрерывный чрезвычайный сильный дождь, сопровождаемый

штормовыми ветрами, превратил всю почву в болото, а дороги пришли в такое состояние, что каждый день на них остается по 200 башмаков». Он добавлял: «солдаты должны были маршировать босиком». В Баварии в 1809 г. после маршей под снегом, перемежаемых дождями, и вивуаков на размокших полях в армии свирепствовал тиф – число заболевших в III корпусе постоянно держалось на уровне 6,5%.

Паузы в ходе кампании приводили к возникновению непроинформированных рынков, где местные жители могли продавать свои товары. Перед битвой у Ваграма можно было видеть, что войска «полностью» заняты делом: одни приводили в порядок свое оружие и амуницию, другие приспекались к хозяйственным

Французский главнокомандующий генерал Жубер был убит в августе 1799 г. в битве при Нови австрийским патрулем, насчитывавшим 12 человек из 4-го пехотного полка «Дойчмейстер» под командованием капитала Страката.

Преимущество австрийцев в кавалерии на раннем этапе Революционных войн принесло им много успехов в сражениях на открытых равнинах Европы. Здесь изображена битва у Шарлеруа в 1794 г. Пехота играла поддерживающую роль, защищая укрепления и удерживая ключевые селения.

работам, но больше всего занимались учениями. С самого утра и до вечера проводили маневры, начиная со взвода и заканчивая полком... Три раза в день все полки с оружием в руках выстраивались для молитвы по католическому обряду; 53-й пехотный полк для своих сербов имел греческого ортодоксального священника; неоднократно барабаны призывали фельдфебелей и капитанов к командиру полка, чтобы присутствовать при отдаче новых приказов» (фон Бозе).

В кампании каждой полк имел по штату 534 палатки. На каждую палатку полагалось иметь две 16-фунтовых вязанки соломы, которых хватало на две недели, и еще одна вязанка как резервную на следующие две недели, хотя на марше по мере потребности должны были добывать новую солому. Дрова и солома закупались, но армия также рассчитывала на помощь местных жителей. 3 декабря 1805 г., после поражения в битве при Аустерлице, два гренадерских батальона (из отряда под командованием Мерфельдта) несли сторожевое охранение, перестреливаясь с вражеской кавале-

рией. Только около 9 часов вечера, несмотря на исключительную холодную и ветреную погоду, войска получили дрова для костров и немного соломы, а примерно в полночь местные крестьяне принесли солдатам продовольствие.

Из-за плохой погоды возникали серьезные проблемы, особенно с палатками, которые прежде времени могли оказаться непригодными для использования. В 1792 г. из-за непрерывных маршей, когда лагерь не разваливался неделями, под непрекращающимся нин на день дождем, перевозящиеся на вьючных лошадях палатки просто стгнили, и в результате войска оказались обременены громадным обозом, нагруженным непригодным снаряжением. Эршгеринг Карл в сентябре ознакомился с положением дел: «Вы не можете себе представить, как выглядят наши войска. В течение месяца каждый день лил дождь, так что вода промокла все палатки. Многие из наших солдат не имеют никакой обуви, даже обмундирование и палатки износились до дыр и начинают издавать зловоние».

Если поблизости противник отсутствовал, войска должны были быть размещены по квартирам. В 1805 г. Мак отдал приказ, разрешающий размещать в палатках только половину солдат, а четырьмя годами позже в Германии эршгеринг Карл вообще запретил возведение палаточных лагерных стоянок. Войска должны были бивуакировать или искать квартиры: «Офицеры высылались вперед, чтобы распределить квартиры и участки для бивуаков на реке Вилс... Обеспечение войск крышей над головой настолько быстро, насколько это возможно, возлагалось на людей, знакомых с данной местностью... Корпус должен был быть размещен в пределах круга радиусом примерно полторы мили. На такой лагерной стоянке каждый полк имел в своем распоряжении до десяти зданий, и этого количества, как казалось, не очень хватало для ведения нормального образа жизни». После сомнительного отдыха, когда солдаты спали на пропитанной водой земле, марши продолжались.

Дома были редкостью на стоянке перед сражением у Эймюля: «Австрийский лагерь состоял из соломенных хижин, которые были на скорую руку выстроены из соломы, оставшейся в окрестных деревнях после прошлогоднего урожая; многие солдаты расположились просто под открытым небом вокруг костров». В ожидании битвы у Ваграма, были возведены более «сolidные» постройки: «Войска бивуакировали на голой земле; в центре полкового лагеря была установлена единственная палатка, который служила как походной церковью, так и как резиденцией полковника. Все остальные офицеры и солдаты должны были суметь обойтись простыми землянками, которые иногда имели торфяные крыши, а обычно просто покрывались листьями. Один из обитателей этих землянок, фон Энее, описал условия жизни в них: «Первую ночь я провел в земляной хижине с моим капитаном и еще одним офицером»; хижины были «очень плохо построены, хотя на них ушло довольно много земли... внутри едва хватало места для трех или четырех человек».

Россия в 1812 г. (см. планшет I) стала кладбищем для 7,000 человек из состава австрийского вспомогательного корпуса (все линейные полки были венгерскими или галицийскими). «В деревнях армия могла достать немного или почти никакого продовольствия; солдатам редко удавалось находить питьевую воду; людей и животных днем и ночью мучили комары и мошки. Русские вывезли все запасы из этой области; июльская жара сопровождалась холодными дождями, так что войска в середине лета страдали от переохлаждения, в результате чего появилось много больных... Единственным спасением для голодающих солдат были брошенные и частично сожженные вражеские обозные телеги, потому что на них находили сухари, воду и другие припасы... раненых не на чем было перевозить; их приходилось оставлять на месте, обреченными на ужасную смерть в грязи» (Вейден).

Шварценберг попробовал установить систему продовольственных рационов: 1,75 фунта хлеба, 0,5 фунта мяса и 0,5 фунта муки или один зейделя овса, ячменя, гороха, чечевички или бобов. В те дни, когда готовились овощи, к ним добавлялись 0,5 фунта хлеба и двойной рацион мяса, четверть зейделя брэнди, 1/30 зейделя соли, 1/12 фунта табака и 1/8 зейделя укеуса. Запасы должны были растягиваться, чтобы их хватало на один-четыре дня; при этом в проввантеских фургонах хранились двухдневный запас мяса и четырехдневный запас хлеба или сухарей в виде неприкосновенного запаса, который мог быть использован для полудневной порции. В резерв, на случай неудачной фуражировки, был запас снабжения на 20 дней, который перевозился в обозе на телегах среднего размера. Но, по свидетельству очевидца: «Слабоиспользованные и плохие дороги приводили к тому, что эти обозные колонны... постоянно оказывались далеко позади войск, растягивались или, даже не доставив груз, возницы вместе с волами уходили прочь и по пути еще и бесчинствовали. Большая часть продовольствия была утрачена, и войска приходилось питаться всем, что попадалось под руку». Поставки хлеба вскоре практически прекратились, и во многих частях, с середины августа не получавших ни крошки, его заменяли овощами или мясом. «Даже офицеры питались очень скудно, тяжело перенося отсутствие хлеба, и для поддержания своих сил иногда выпивали немного вина» (Вейден).

I: Они тоже пришли в Россию, 1812 г.

Войска были плохо обмундированы. Уже к концу сентября многим солдатам приходилось маршировать босиком, так что Шварценберг разрешил им тачать опанцы (Oranpen — балканская обувь) из шкуры скота. Недостаток шинелей привел к тому, что в середине октября каждому второму солдату приходилось пользоваться кусками овчины, чтобы защититься от холода по крайней мере нижней частью тела и головы. Один очевидец, Вейден, писал: «Если кто-нибудь оказывался настолько удачлив, что, кроме удовлетворения самых насущных потребностей, обнаруживал хранилище картофеля или даже запрятанные бутылки водки, то он проводил исключительно хорошую ночь». Солдаты не жаловались на задержку жалования просто потому, что было нечего покупать. Почти полное отсутствие поставок хлеба, сухарей, вина, табака и соли доводило людей до отчаяния. Армейские интенданты [commissariat] «были в состоянии доставлять хлеб только каждые 8-14 дней. Об униформе или обуви не стоило даже и говорить... Ежедневные марши и бивакуи проходили в условиях нехватки буквально всего. Ситуация постоянно ухудшалась, и не было случая, чтобы после ночевки в лагере не оказывалось несколько умерших, которых приходилось на скорую руку хоронить». (Главный интендант умер от перенапряжения сил в феврале 1813 г.).

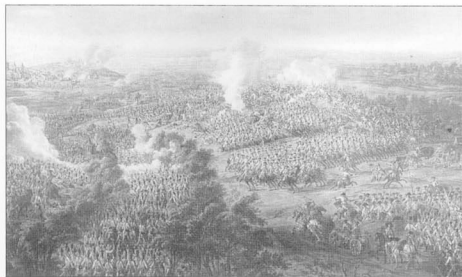
Отчаянная нехватка почти всех видов снабжения приводила к жестоким эксцессам в обращении с местным населением, но такие действия преследовались со всей строгостью закона — наказанием за грабежи и мародерство (включая ограбление обозных фургонов) были 100 палочных ударов и, в случае рецидива, смертная казнь.

К 31 октября боевой состав австрийского корпуса сократился на 12,000 человек; к концу ноября боеспособность сохранила только половина солдат. Шварценберг сообщал: «Только энергия и личный пример офицеров до сих пор позволяют предотвращать даже серьезные проблемы». Урок был усвоен. При вступлении в декабре 1813 г. в Швейцарию, все войска были снабжены восьмидневным запасом хлеба и двухднев-

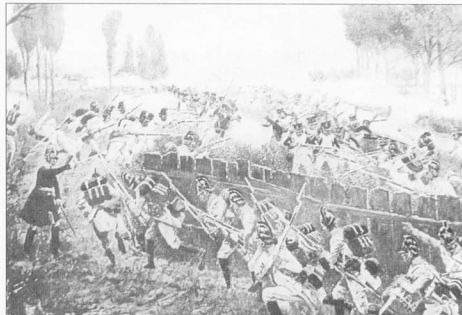
ным запасом овощей. Торговцы поставляли все другие виды снабжения в требуемых количествах.

Тактика

Во время последней войны против Османской империи, каждый батальон располагал своей артиллерией, в его состав входил 15 егерей, среди снаряжения имелось 78 рогаток [Spanische Reiter]. Борьба с подвижной турецкой армией подразумевала, что австрийская пехота должна быстро формировать каре и часто прибегать к строю плотных колонн (которые вряд ли могли понести существенные потери от огня неважно обученной турецкой артиллерии). Оборону держали каре, в состав которых

1799 г.: пока австрийские пехотинцы и гренадеры обороняются в лесу к северу от Стоаха, кавалерия наносит удар через открытое пространство в направлении на восток, при поддержке пехоты и артиллерии. Пехота марширует в колоннах, занимая максимально возможный по ширине фронт.

49-й пехотный полк, развернув оба дивизиона и подбатальоны, оттесняет французские войска от Шварце-Лаксау, май 1809 г.

входило до 10 батальонов, но обычно в каре выстраивались отдельные батальоны. Наступление вели в сомкнутом строю, медленным шагом, используя непрерывный мушкетный огонь. «Как только турки замечают приближение войск противника, направленное непосредственно на них, в их плохо организованных толпах замешательство только усиливается, независимо от их численного преимущества» (Полевой устав 1787 г.).

Формы военных действий в 18-м столетии базировались на маневре и на поддержании равнения длинных боевых линий с правильными интервалами. Войска совершали марши в колоннах на максимально возможном широком фронте, вступая в бой с полками, развернутыми в две линии [Трегген]; третья линия обычно являлась резервом. Линейная тактика придавала особое значение атаке в линейном порядке — обычно параллельному противнику — хотя каждая сторона пыталась продвигаться обходными по-

ношениям к другой. В виду желания обхода вражеского фланга, в Полевом уставе 1769 г. предусматривалось, что первая линия будет удлинять свой фронт с помощью батальонов из второй линии, выдвигающихся вперед в плотных колоннах («массах»).

Ведение борьбы с использованием длинных линий делало командование войсками и контролирование ситуации на поле боя трудной задачей, с одной стороны, и уменьшало маневренность войск, с другой стороны. Главной проблемой для командования создавал дым, который заволакивал все окрестности, поскольку войска не могли ни видеть сигналы, ни разобрать маневры своих соседей. Первые залпы производились по приказам, но постепенно стрельба становилась все менее и менее организованной. Чтобы поддерживать эффективность мушкетного огня, дальность стрельбы была ограничена 300 шагами. Передовые артиллерийские орудия выдвигались на 100 шагов перед пехотной линией, чтобы обеспечить

себе более широкий угол обстрела и возможность поражения более отдаленных целей. Как только пехота раскрывала свои ряды, пушки вручную откатывались назад, на позиции за боевой линией, ведя огонь так часто, как расчеты успевали их перезаряжать.

Наступление поддерживалось залповым орудийным огнем, причем солдаты, маршируя, несли свое оружие на плече или в положении «под курок». Поражающий эффект снарядов, которыми вели огонь с расстояния меньше 100 шагов, увеличивался за счет применения Flintenkartasche — трех маленьких ядер, выстреливаемых вместе; их использовали как против пехоты, так и против кавалерии. Защита от кавалерийского удара заключалась в формировании глубоких трехшеренговых каре (или вытянутого прямоугольного строя, имеющего по одному дивизиону на фронтальной и тыловой сторонах и по одной роте на боковых сторонах). Когда кавалеристы приближались на расстояние примерно 10 шагов, первые две шеренги должны были выставить навстречу свои штыки, в то время как третья шеренга продолжала вести стрельбу из мушкетов.

Ведение перестрелки с противником являлось прерогативой главным образом легкой пехоты, хотя отдельные роты линейной пехоты получали возможность принять участие в перестрелке при атаках населенных пунктов и при сложном рельефе местности. Они поддерживались с тыла выстроеными в линию пехотными частями и должны были по приказу также занимать место в строю. В турецких войнах стрелковые цепи использовались нечасто из-за угрозы многочисленной турецкой кавалерии. Если появлялись отдельные турецкие застрельщики, то между рогатками для их уничтожения размещались лучшие австрийские стрелки.

Революционные французские армии имели преимущество в численности солдат и количестве орудий. В ответ на действия застрельщиков, Инструкции 1793 г. Кобурга предусматривали выдвижение вперед небольших групп из третьей шеренги. Считая, что трехшеренговые линии являются излишними в столкновении с плохо обученным противником, Мак в 1794 г. рекомендовал употребить третью шеренгу для формирования универсального резерва, которой мог использоваться для подкрепления пунктов, которым угрожают сильные колонны врага, для закрытия промежутков в боевой линии, для обеспечения флангов и перестрелки. В районе Турно 11 мая 1794 г. огонь стрелкового оружия и пушек начался с самого рассвета и продолжался до 2.30 пополудни. «Третья линия 7-го пехотного полка была развернута в стрелковую цепь, из которой был открыт непрерывный огонь по врагу». В главной битве 22 мая «преимущественно сражались стрелковым оружием; за исключением гренадеров, почти вся пехота использовалась как застрельщики, чей огонь продолжался 15 часов».

Ж: Батальонные застрельщики (Полевой устав 1807 г.)

В уставе 1807 г. был включен раздел, посвященный обучению застрельщиков. Хотя стрельбе обучались все войска, от лучших солдат требовались «особенное умение в использовании своего оружия, физическое проворство, стойкость, расчётливость, ловкость и самоуверенность». Во время перестрелки он должен был уметь заряжать мушкет как в сидячем положении, так и стоя на коленях и даже в движении. Далее, стрелка обучали умению использовать в своих целях особенности ландшафта и местной растительности, вплоть до навязных куч. В случае атаки вражеской кавалерии, он должен открыть огонь с близкого расстояния и затем использовать свой штык для нанесения удара по всаднику с левой стороны или по лошадиной груди.

Прикрытие батальона составляли 60-80 застрельщиков. Применяя двойной шаг, из третьей линии выдвигались три больших взвода, разделенные позодами; одна половина каждого взвода, руководимая тремя унтер-офицерами, формировала свой сектор прикрытия в 300 шагах от главной линии. Действия группыми по два или три человека, они использовали особенности местности в качестве укрытия в пределах нескольких шагов от линии застрельщиков. В 80-100 шагах позади пребывала вторая половина каждого взвода в виде поддержки, стянутая в две линии. Еще в 100 шагах позади стояли еще три взвода как резерв, каждым командовал капитан. Созданы, занимавшие передовую позицию, регулярно заменялись своими товарищами из взводов поддержки: половина взвода одновременно быстро растягивалась в одну линию, которая и занимала освобожденное место. Покидание завесы без разрешения приводило к немедленному наказанию.

Команды батальонного командира, передаваемые барабанным боем, повторялись барабаничками, стоявшими рядом с каждым капитаном в резервных взводах. При отходе, застрельщики отступали двумя линиями, поочередно, одновременно на 10 шагов; взводы поддержки отходили на 20-30 шагов, когда завеса делала в пределах 50 шагов назад. Как только линия прикрытия оказывалась в 200 шагах от главной линии, она поворачивалась кругом и далее двигалась двойным шагом, пока не достигла фронта. Если подразделения застрельщиков оказывались под угрозой, они передислоцировались на фланги, откуда продолжала обстреливать вражеские ряды, в то время как главная линия встречала врага мушкетными залпами и картечью.

Мак также утверждал, что превосходная дисциплина австрийцев позволяет вести наступление в тумане или ночью с незаряженными мушкетами, приводя французам в замешательство. 18 октября 1795 г. около Мангейма, миновав французское передовое охранение, австрийцы предприняли ночное наступление в тумане «таким сильным, что ни один человек не мог видеть больше чем на несколько шагов вперед и различал тонахождение противника только по крикам и звукам выстрелов с их стороны». Продвигались сначала в полной тишине; мушкеты не заряжались, пока солдаты не натолкну-

лись на серьезное сопротивление; тогда, из-за тумана, «стрельба началась по всем направлениям, так что отдельные выстрелы попадали в колонну, двигавшуюся параллельно». Колонна главных сил, имевшая в авангарде четыре граничарских роты, была атакована войсками Даву, но австрийцы получили дополнительную поддержку: «Таким образом мы начали наступать, возглавляемые способным командиром, капитаном Нейманном, который всегда шел впереди своих солдат, показывая отличный пример. Мы обошли справа левый фланг французов, которые вели по нам отчаянную стрельбу;

мы не отвечали им, пока не приблизились настолько, что бросились на врагов в штыки и очистили от них позицию».

К 1796 г. длинные линии уступили свое место бригадным формированиям, но плотные построения войск продолжали составлять основу тактических действий, что было отражено в «Обсервационных пунктах» эрцгерцога Карла: «Хорошо вымуштрованной и сплоченной пехоте, если она смело наступит усылненным шагом, под артиллерийским прикрытием, нельзя воспрепятствовать рассеянными стрелковыми цепями. Она не должна вести огонь по вражеской линии ни

«Пример 39-го пехотного полка Дуки и 14-го пехотного полка Клебека в сражении у Ньюмаркта (апрель 1809 г.), которые атаковали в штыки два французских конно-егерских полка, показывают, что может сделать полная решимости пехота, уверенная в своих возможностях».

В отчаянных рукопашных схватках австрийская пехота штурмует Асперн. Бои, которые велись в селении небольшими подразделениями, потребовали особых командирских качеств от унтер-офицеров.

застрельщиками, ни взводными залпами, кроме тех случаев, когда последний может быть наиболее эффективен; но с предельно возможной скоростью, сохранения идеальной порядок, энергично атаковать врага и проврать его ряды». В 1800 г. Цах установил декретом: «На фронте необходимо иметь только несколько застрельщиков, а позади них должны располагаться войска в плотных боевых порядках». Тем не менее, 17 июля того же года для управления действиями передовых стрелковых цепей были введены сигналы барабанным боем.

Самые большие изменения в тактике явились результатом итальянских кампаний, где плохие дороги, затопленные луга, многочисленные реки, ручьи и канавы, а также густые заросли деревьев и кустарников значительно затруднили управление войсками — поэтому строи стали более компактными. Хотя в уставах 1807 г. подчеркивалось, что «линия — самый подходящий строй для пехоты, позволяющий ей использовать свое оружие с максимальной эффективностью», одновременно там рекомендовалось чаще применять в боевых порядках так называемые

«массированные построения» [Masses]. Учитывая тот факт, что к этому времени австрийская армия утратила превосходство в кавалерии, Полевой устав 1807 г. вновь ввел в практику «дивизионные массы» — две роты по фронту при шести шеренгах в глубину — вместо каре. Возрождая тактику принца Евгения Савойского, разработанную им для противодействия многочисленной турецкой кавалерии, эрцгерцог Карл считал, что это позволит в сражении быстро переходить от линейных порядков к компактным оборонительным построениям.

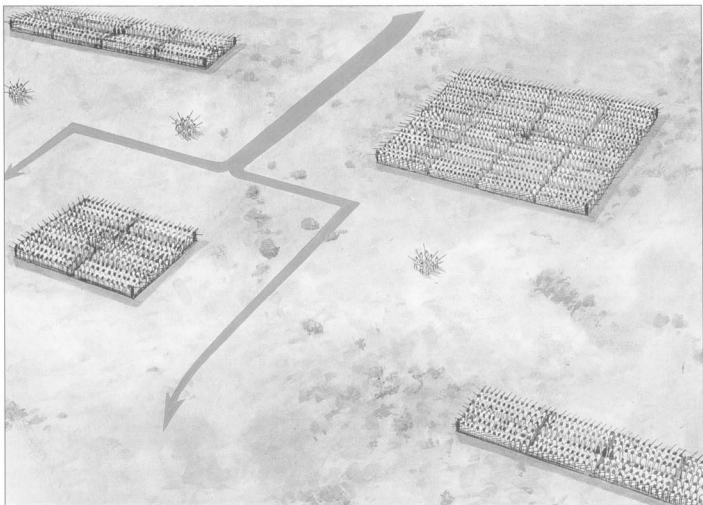
Однако, по мере дальнейшего увеличения численности войск, как в целом, так и отдельных соединений, расширилось и боевое использование колонии. По мере приближения к позициям противника, походные колонии последовательно уплотняли свой строй, непосредственно перед столкновением с врагом доводя промежуток между отдельными ротами до двух шагов (внутри рот — вообще без интервалов), формируя таким образом «батальонные массы», имевшие одну роту по фронту. Плотные колонии всегда использовались для перемещения по

местности со сложным рельефом, но Устав 1807 г. расширил область их применения, что позволяло облегчить управление войсками при любом наступлении, усилить оборону против кавалерийских атак и концентрировать большее количество войск, действующих на ограниченных участках поля боя или направленных против определенного пункта. Сформированные в битве у Асперна, «массированные построения» были брошены в наступление против французской кавалерии, которое продолжалось недолго, после чего они попали под удар шести кирасирских полков и рассеялись.

Батальонные «массы» оказались очень уязвимыми к действию артиллерийского огня, и после Асперна эрцгерцог Карл приказал: «На равнинной местности, боевые порядки пехоты являются... ротные «массы», по направлению к противнику может быть развернуто небольшое прикрытие из застрельщиков. В тех случаях, когда массированный строй несет слишком большие потери от артиллерийского огня, я разрешаю командиру бригаады уменьшать глубину строя или, если отсутствует угроза кавалерийского удара, развертывать свои войска в линию». Там, где необходимо было поддерживать фронт большой протяженности, или массированный строй мог в значительных масштабах поражаться вражеской артиллерией, батальонные «массы» должны были перестраиваться в дивизионные «массы», и такой строй стал предпочтительным формированием.

В 1812 г. тактические предписания австрийцев указывали, что войска должны продвигаться вперед и сближаться с противником в колоннах. «Изменение строя из колонн в линию не должно производиться до того момента, когда противник окажется в пределах досягаемости». В Инструкции Шварценберга, датированных августом 1813 г., ясно говорилось, что перестроение из линейного порядка в массированный является предельно допустимой для наступательных действий. Вторая линия и все резервы повсюду должны были оставаться в прежнем виде.

Несмотря на усиленное обучение застрельщиков, начиная с 1807 г., Розенберг и в 1809 г. полагал, согласно Шнейдарту, что австрийские войска «далеко не полностью готовы к действиям в составе стрелковых цепей, а также неспособны поддерживать стрелков. Хотя они привыкли действовать в тесных линейных порядках и автоматически выполнять команды своих начальников, они также должны быть в состоянии вести бой, проявляя собственную инициативу». В 1812 г. Шварценберг поддержал это мнение: «рассредоточивать целые батальоны в стрелковые цепи... было бы ошибочным решением. В открытом поле, 20-30 застрельщиков будет достаточно, чтобы удерживать вражеских стрелков на безопасном расстоянии от фронта батальона. В местах с ограниченной видимостью, их численность может быть увеличена до одной трети части батальона, но остальные две трети должны оставаться в плотном строю, в одном или

К: Батальонные и дивизионные «массы» (Позевоу устав 1807 г.).

После того, как солдаты зарядят свое оружие, офицеры, находившиеся по краям строя, отдавали приказы четырем фланговым рядам повернуться в соответствующую сторону. Чтобы защитить уязвимые углы строя, эти ряды могли целиться облически. *At Fert!* (К стрельбе товсь!) – первые четыре шеренги поднимали свои мушкетеры в положение для стрельбы; прочие оставались с оружием «на плечо». *Erstes Glied, fallt das Bajonnet!* (Первая шеренга, понизить штыки!) – торец ружейного приклада находился напротив коленного сгиба. Вторая шеренга открывала огонь, когда вражеская кавалерия приближалась на 300 шагов. *Zweites Glied, An! Feuer!* (Вторая шеренга, целься! Пли!) – их мушкетеры затем поднимались в вертикальное положение и быстро менялись на заряженные мушкетеры третьей шеренги. Вторая шеренга немедленно давала второй залп, после чего приводили свое оружие в положение, аналогичное первой шеренге. Когда враг приближался на 50-60 шагов к фронту, раздавалась команда: *Erstes Glied, Feuer!* (Первая шеренга, пли!).

Пока вторая шеренга стреляла, третья обменивала разряженные оружие на мушкетеры четвертой шеренги. Если противник рисковал выступить в ближней бой, первая шеренга использовала свои штыки против лошадей, а вторая – против осадников. Третья шеренга разряжала свое оружие, цевья в грудь и словоу врагов, выбирая самых храбрых кавалеристов (тем самы уменьшая опасность для передовых шеренг). После того, как при шеренги произвели свои залпы, все четыре шеренги немедленно перезаряджали мушкетеры и продолжали вести огонь подобным образом, пока барабаны не пробыт сигнал «Прекратить огонь!».

В отличие от Ватерлоо, австрийцы в битве при Асперне столкнулись с атакой с использованием всех родов оружия. Построенные в шахматном порядке со стороны в 250 футов, на расстоянии приблизительно 60 шагов друг от друга, плавные «массы» создали зону поражения, убийственную для попадающей туда французской кавалерии. Дым, застилавший поле битвы, уменьшил дальность и сосредоточенность огня. Вторая шеренга стреляла на 100 ша-

гов. При Ваграме, французский кавалерист Паркен стал очевидцем ужасного затора в 100 шагах от нас... его результатом стал страшный беспорядок в наших рядах. Жертвами этого затора стали один генерал, несколько офицеров и более 50 всадников. Для достижения максимального эффекта обе шеренги проходили вести огонь, пока расстояние не уменьшилось до 10-15 шагов. Ввиду необходимости расширить боевую линию, полки развернулись в дивизионные «массы», чтобы поддержать фронт, представив более мелкие цели артиллерии. Не показанные здесь, артиллерийские орудия, расположенные между «массами», вели залповый огонь картечью.

Если приближались вражеские застрельщики, из шестых шеренг фронтальной и тыльной сторон или из четвертых шеренг боковых сторон выдвигались солдаты, чтобы отогнать их. Они не рисковали сильно отдалиться, чтобы сохранить возможность возвратиться в строй двойным шагом и при этом избежать дезорганизации «массы». В качестве альтернативы, лучшие стрелки из каждого взвода вели по ним огонь. Отставшие от строя или в случае рассеивания «массы», солдаты могли собираться вокруг унтер-офицеров в «сзустки» [Klumper] из двух кольцевых шеренг, выставляя штыки на встречу врагам.

более резервных формированиях, в зависимости от местности... Если атака врага отражена, то он должен преследоваться третьей частью или приблизительно половиной сил, а другая половина должна быстро сформировать обычный строй и только затем перейти в наступление, которое надо проводить медленно и в отличном порядке».

Однако, войска все же становились более гибкими в своих маневрах: «2-й батальон 14-го пехотного полка (в битве при Гану 29 октября 1813 г.) был направлен на поддержку баварских застрельщиков перед Ламбервальдом. Когда баварцы отступили назад, стрелки этого батальона выдвинулись на передовую позицию, открыли сильный огонь и приостановили вражескую атаку... Отступление проводилось равномерно и организованно. Следуя за отходившим по мосту Китцинг полком, 2-й батальон должен был перестроиться там в массированный порядок, поскольку кавалерия противника под

Превосходство французов в кавалерии к 1805 г. заставило австрийцев использовать "массы", быстро формируемые путем уплотнения строек походных колонн. Сражение при Асперне ознаменовало конец доминирования кавалерии на поле битвы, поскольку в ней австрийским "массам" удалось уничтожить 1,500 французских кавалеристов. С расстояния в 15 шагов первые две шеренги давали сокрушительные залпы. (фон Мали)

прикрытием артиллерийского огня попыталась захватить мост. 2-й батальон, который отступал по Франкфуртской дороге, «сформировал три ротных "массы", чтобы прикрыть свои конные части и батарею 12-футовых орудий... Вражеская кавалерия рискнула атаковать батарею... Однако, убийственный мушкетный залп солдат 2-го батальона вынудил их отступить... 31 октября, при наступлении на Гану, обер-лейтенанты Шарф и Батте, командовавшие 80 добровольцами, вместе с егерями составили авангард... Остальная часть полка направилась к ратуше... Но полторы роты бросились к Франкфуртским воротам и взяли мост штурмом в ходе штыковой атаки» (Из рапорта полковника 14-го пехотного полка).

Гренадерские батальоны, сформированные в 1796 г. в составе дивизий, фактически являлись армейским резервом. Хотя многие из них были укомплектованы лучшими солдатами, которые в обычной пехоте формировали третью шеренгу, Устав 1807 г.

определенно запретил применять гренадеров в бою в качестве застрельщиков, поскольку «они представляют собой главную ударную силу или способны со всей решительностью оборонять угрожаемый пункт»; поэтому их предписывалось использовать только в особо ответственных ситуациях. «Держа мушкеты "под курок", – рассказывал один солдат о битве у Асперна, – эти опытные, закаленные во многих сражениях воины наступали без единого выстрела» на французские батареи 22 мая. Часто при тяжелых отступлениях именно из них формировали арьергарды. Четыре гренадерских батальона оказали ожесточенное сопротивление, когда в 1797 г. французы под командованием Массены попытались прорваться через дефиле Дуриштейн около Эйнода. В течение нескольких часов они стояли в «полной неподвижности под градом пушечных ядер и картечи, потеряв много людей», но этого времени хватило для того, чтобы главные силы смогли покинуть долину.

Сторожевое охранение и патрули

Наряду с частями легкой пехоты, линейная пехота также выполняла функции сторожевого охранения, находившегося на расстоянии 200-1,000 шагов от главных сил (1,500 шагов в направлении противника), и формировала пикеты, располагавшиеся на расстоянии 4,000 шагов; в последнем случае при поддержке кавалерии. «Многочисленные часовые заняли разреженные рубежи охранения лагеря со стороны фронта, и, как только наступила темнота, воцарившаяся было тишина каждые 15 минут нарушалась их пронзительными криками: «Кто идет?» [Wer da?]]» (фон Эссе).

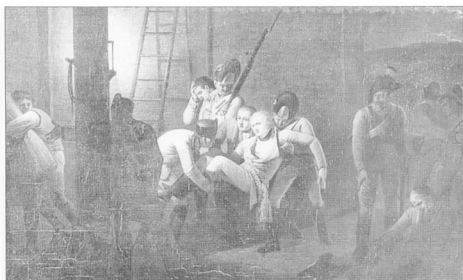
Сон или пьянство при исполнении служебных обязанностей строго наказывались, а пока не происходила смена караула, часовые не имели права есть, пить или курить. Только при очень плохой погоде сторожевому охранению разрешалось укрываться под каким-нибудь навесом. «В случае обстрела или другого серьезного инцидента, когда пикет оказывается не в состоянии сообщить об этом на главный пост, они должны прицеливаться в воздух и, когда наступит необходимость, выстрелить три раза» (Устав 1807 г.). Ночью часового должен был окликать нарушителей: «Стой! Кто идет?» Затем он должен был поднять свой мушкет в положение для стрельбы и притвориться спустить курок. Средняя норма осечек составляла 15-20%, что приводило к странным рекомендациям: например, если они усматривали вражескую кавалерию, часовые должны были пускать табачный дым от своих трубок в воздух. Думая, что порох на полке мушкета загорелся, всадник будет спокойно приближаться к пехотинцу, который мог тогда выстрелить с очень близкого расстояния!

Армия использовала смешанную систему построения авангарда для раннего контакта с неприятелем: в него входили разведывательные группы (Streiftrupp), состоявшие из одного пехотного батальона и/или двух эскадронов конницы, которые проводили поиск противника вперед и рейды по окрестностям.

Столкновение передового охранения с противником являлись прологом больших сражений. 13 июня 1800 г. «с рассвета до сумерек, грот малых и больших орудий был непрерывно слышен на расстоянии не более часового марша. Доносившиеся до нас звуки обозначали серьезную стычку передовых частей у Маренго, и это было наибо-

Одинаковые невзгоды побуждали каждую из сторон помогать раненым противникам. Австрийский солдат везет раненого французского офицера на ручной тележке в полевой лазарет в битве у Ваграма.

Большинство из пострадавших в бою солдат относились их сослуживцами в импровизированные лазареты, размещавшиеся в близлежащих сараях. (Зееле, около 1795 г.)

лее ясным признаком приближающегося на следующий день сражения, к которому нам приказали быть готовыми» (Раух).

В сражении

По мере того, как решающее столкновение приближалось, «отход передового охранения [в битве у Асперн в 1809 г.] подтверждал, что враг начал свое наступление. Наша боевая линия выступила навстречу французам под музыку военных оркестров. Генералы галлоинировали вдоль своих частей с воодушевляющими призывами: «Солдаты, наступил ваш черед, смело – вперед!». Это происходило незадолго до того, как черносиние колонны французов стали замечаться со всех сторон, подобно муравьям, появляющимся из-под земли.

Вражеская артиллерия первой проявила себя. 22 мая капитан из 15-го пехотного полка наблюдал следующую картину: «Враг выдвинул вперед свои батареи, которые виделись напротив нас огромной черной полосой, намереваясь разгромить нашу пехоту сокрушительным артиллерийским огнем». В битве при Ваграме офицер 4-го пехотного полка на себе почувствовал воздействие пушечного обстрела: «Около 8 часов утра 5 июля вражеские батареи тяжелых орудий открыли огонь, и вскоре мы начали нести серьезные потери... Артиллерийский огонь мучителен, потому что, находясь в неподвижном положении, невозможно ничего предпринять для защиты от него. Наши собственные пушки имели недостаточную дальность стрельбы».

Ближе к линии фронта, прапорщика 49-го пехотного полка больше заботили маневры французской пехоты: «Около 3 часов утра французы начали дебуширование во всех пунктах и выслали своих застрельщиков в нашу сторону... Мы наблюдали, как перед нашими глазами как будто по мановению волшебной палочки в полном порядке развертывается вся французская армия. Поддерживая постоянную дистанцию, по мере развертывания французов, мы отошли

назад по-зипелони, в батальонных массах, и наша бригада заняла позицию на плато... у Маркграфшпитцля».

Войска могли оказаться вовлеченными в битву прямо с марша. Раух вспоминал о сражении у Маренго: «Бой уже начался, поскольку мы уже больше часа слышали артиллерийскую канонаду. Когда мы ступили на мост, нас начали поражать первые вражеские ядра. Когда полк продвинулся вперед на небольшое расстояние, мы оказались среди пшеничного поля, усеянного канавами и поросшего кустарниками; видимость во все стороны была очень ограничена... Несмотря на препятствия, мы встали атаковать, и мускетный огонь был настолько интенсивный, что подобного я прежде никогда не слышал. В течение нескольких часов, пока полк удерживал назначенную ему позицию против всех вражеских атак, было потеряно убитыми и ранеными 25 офицеров и 700-800 солдат. Я лично не пострадал, но в моем обмундировании обнаружил дырки от нескольких мускетных

пуль... Мы стали свидетелями, как часть нашей кавалерии обрушилась на вражеский тыл и захватила в плен по крайней мере 1,000 человек, и Вы можете представить себе, насколько это зрелище подняло наш боевой дух... Полк совершил марш по дороге через деревню Маренго; по обе стороны дороги валились орудия с разбитыми прямыми попаданиями ядер колесами, тела убитых солдат и груды лошадиных трупов. В это время распространилась новость об одержанной нами победе, и на лицах офицеров и солдат выразились счастье и радость... Когда войска миновали деревню, они начали разворачиваться в боевой порядок. Артиллерия выдвинулась вперед, сминая посеянные пшеницы. Нам пришлось идти через виноградники, настолько густые, что зачастую мы должны были прокладывать себе путь саблями, прежде чем мы добрались до уже дрогнувшего врага, поражаемого жестоким артиллерийским огнем. Победоносно наступающие войска представляли замечательное зрелище; они выглядели так, как будто шли на парад, и марш через эту прекрасную равнину не прерывался в течение нескольких часов».

Фортуна внезапно изменила нам: «Противник напал на нас с устрашающими криками. Несмотря на ужас ситуации и кошмарные сцены гибели людей, я чувствовал гордость... потому что, когда враг атаковал, опрокинув всю нашу развернутую линию и вынудив отступить, моя рота в течение нескольких минут все еще держалась среди огромных масс французов, которые бросились на нашу изолированную позицию. Но я и мой обер-лейтенант продолжали командовать, давая мускетный огонь полу-ротами. Затем я стаял к себе солдат... и начал отступать, как если бы мы находились на учебном плацу».

Для новых рекрутов «первый бой имеет важнейшее значение: здесь становится ясным, что он представляет собой на самом деле... Все чувства как бы парализованы, он

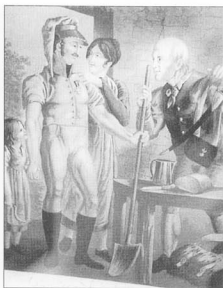
Инструкции предписывали, что раненые офицеры должны были в первую очередь отправляться в полевые лазареты. Доставка туда пострадавших в бою часто была невозможна без самодельных носилок, которые несли солдаты-санитары [Sanitatstruppen].

Жители Вены хоронят австрийцев и французов, погибших в битве у Ваграма. Большая часть тел была сожжена, а остальные упокоились в криптах местных церквей.

настолько переполнен новыми ощущениями, что находится в совершенном ошеломлении, не воспринимая свист пролетающих пуль и рев пушечных ядер, не замечая солдат, гибнущих вокруг него» (Эльрих). Даже конные офицеры видели немногое: майор Маер (49-й пехотный полк) оказался у Аустерлица около 7 часов утра «в таком густом тумане, что можно было едва видеть на пятьдесят шагов вперед. Можно было слышать оживленную перестрелку, но невозможно было понять, какая часть нашей союзнической армии атаковала или сама была атакована врагом. Позднее мы смогли только смутно различить, что русские колонны сформировали боевую линию перед нами и что французы, которые были обмундированы в форму, похожую на русскую, наступают на них... Капитан Тилл был отправлен вперед... чтобы рассмотреть, что делают в тумане французы, и увидел, что русские отступают в беспорядке».

Поскольку французы нанесли удар по австрийской линии, «чтобы отразить нападение, я располагал своим батальоном, который, построившись в плотную колонну, продвигался вперед по направлению к холмам. Так как противник угрожал нам и с фронта и с фланга, я начал наступление, чтобы прикрыть фланг. Как только вражеские застрельщики поняли, что началась атака... их огонь почти прекратился. Едва мы развернулись в линию, я заметил, что враг готовит фронтальную атаку. Вскоре они начали свое наступление, и тогда я приказал дать несколько залпов, чтобы приостановить их продвижение... Затем, вместе с соседним батальоном 55-го пехотного полка, я предпринял контратаку. В ходе наступления мы попали под сильный огонь... который привел к гибели многих солдат. Из-за этих потерь, а также потому, что наш открытый левый фланг подвергся нападению больших сил врага, мой батальон начал оттаиваться, а я сумел снова подбодрить людей и удержать их в плотном строю, предотвратив отход назад... Результатом пе-

Возвратившемуся в 1815 г. домой после победы австрийскому солдату вручают орудие мирного труда.

скольких наших залпов стало уменьшение интенсивности стрельбы врага, что сделало отправку раненых в тыл менее опасной. Посреди моего батальона, вражеская мучительная пуля внезапно сразила моего фюрера... Шёмдлер увидел, что французский офицер пытается выхватить знамя из рук фюрера, лежащего на земле. Он с саблей бросился на француза и нанес ему такой удар по руке, что тот выронил знамя. [55-й пехотный полк отступил.] «Я оказался совершенно один, и оставшиеся со мной солдаты построились в сомкнутую колонну [для отхода]».

Первоначальную роль второй линии полка в бою являлась поддержка первой линии. После того, как в битве у Ваграма 5 июля французы в результате своего наступления растеряли ряды первой линии австрийцев, в центре второй линии I корпуса командующий 42-м пехотным полком «в этот важнейший момент перестроил два батальона в дивизионные «массы», но при этом получил ранение. Майор Фромм принял командование и отдал приказ сигналом барабана: «В атаку!». Враг был отброшен назад, к ручью Руссбах. Контрудар батальона Фромма был поддержан войсками первой линии, которые смогли быстро сплотить свои ряды» (Неизвестный офицер).

Другая тактика использовалась против французской артиллерии. «Пехоте приказали лечь на землю, и в результате вражеские пушечные ядра смогли поразить немногих солдат. Когда же стало ясно, что противник настойчиво пытается продвинуться вперед, полк вступил в бой» (фон Эне).

Многие сражения, подобно Ваграмскому, продолжались более одного дня. «Мушкетный огонь продолжался до самых сумерек, пока совершенно не стемнело; тогда прекратился и артиллерийский огонь... 42-й пехотный полк расположился на бивуаках на северной стороне Руссбаха, прямо на поле битвы, которое было буквально покрыто телами солдат и лошадей – ранеными и мертвыми – друзья и враги лежали впер-

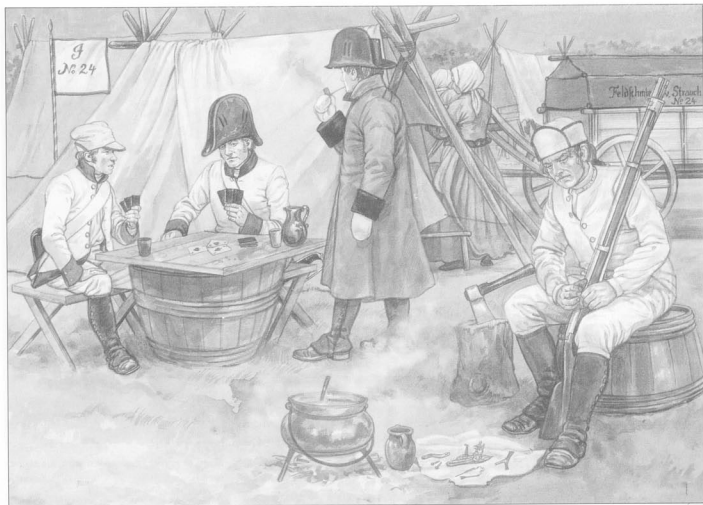

Пустая ружейная ложка и мушкетные замки.

мешку, среди остатков армейского снаряжения и вооружения всех видов». С другой точки зрения: «В ночь с 5 на 6 июля мы стояли вдоль Руссбаха... лежали на траве по обочинам дороги, не выпуская оружие из рук. Ночь была прекрасной, солдаты крепко спали, а бивуачные костры, как наши, так и французские, медленно догорали» (Неизвестный прапорщик 49-го пехотного полка).

Рассвет наступил рано и застал 42-й пехотный полк уже в движении, но сражение началось только между 5 и 6 часами утра: «Полк занял позицию сразу за селением Адерклаа (в первой линии) и оставался стоять в массивных порядках до полудня, все время находясь под страшным орудиным огнем. Приблизительно в полдень, противник бросился на штурм Адерклаа и, пройдя селение, к своему удивлению обнаружил наши «массы», стоявшие очень близко к окраине. Французы остановились и дали пушечный залп по нашим порядкам, который занял малой дистанции в основном прошел выше первых рядов, ранив или убив позади нас всех офицерских лошадей и самого майора Фромма. Сразу после первого вражеского залпа, барабанный, стоявшие посреди масс, пробил сигнал: «В атаку!». Мы ринулись в атаку со штыками наперевес, и вскоре селение возвратилось в наши руки. Адерклаа было оставлено только при общем отступлении» (Неизвестный прапорщик 49-го пехотного полка).

У Маркграфейзидля, прапорщик 49-го пехотного полка «получил листок бумаги, пересыпавшийся из одного полка в другой, на котором было написано карандашом:

«Мы побеждаем. Враг отступает. Дни Асперна и Эсслина повторяются. Я ожидаю, что мое левое крыло покажет себя достойным моего доверия. Карл». Наш бригадный командир, генерал-майор Майер... прочитал это послание громким голосом и затем коротким свистом еще больше воодушевил солдат, которые и без того страстно желали поскорее вступить в бой. Он напомнил нам о победных лаврах, завоеванных под Шварце-Лакау... С плато, где мы стояли, разворачивалась панорама всего поля битвы, и потому можно было отчетливо разглядеть большие колонны, которые двигались справа от вражеского центра и направлялись к нашему флангу... Смертельная борьба началась. Мы отразили четыре атаки, но каждый раз наступление возобновлялось, причем бóльшим числом войск и со свежими силами. Наши штандарты перешли из одних рук в другие; каждый из нас уже держал их и шел с ними в новые атаки; наш храбрый подполковник, под которым уже было убито две лошади, получил смертельное ранение со знаменем в руке... и только благодаря предельному напряжению сил мы продолжали удерживаться на плато... Мы уже потеряли 30 офицеров убитыми и ранеными; наши ряды сильно уменьшились в составе. Со стороны противника надвигались все новые и новые волны; нам же оставалось полагаться только на собственные силы, потому что все резервы были задействованы для усиления правого крыла... мало того, нам угрожала приближающаяся

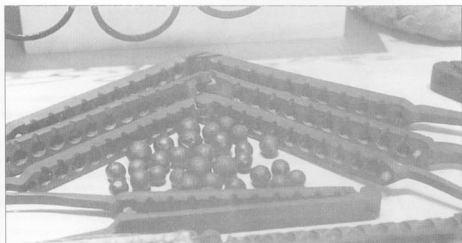
L: Гренадеры и пехотинцы в лагере, около 1811 г.

Униформа солдата-санитара (справа) образца 1809 г., походила на форму ландвера образца 1813 г. с буквами "S.C." на шитке «корсиканской» шляпы [Corsehut]. На заднем плане — походная кухня.

Достаточный уровень грамотности позволил в 1808 г. издать брошюру с вопросами и ответами [“Verhaltungen aus dem Kompagnie-Reglement der k.k. Osterreichischen Armee in Fragen und Antworten”], которую использовали унтер-офицеры для проверки знания солдатами ключевых требований уставов. Ответы одного из рядовых на вопросы, касавшиеся только чистки его мушкета, демонстрируют наличие большой геологической коллекции в его ранце. Вопрос 109: Как солдат должен сохранять в чистоте железные детали? Нужно предохранять их от появления ржавчины и полировать с помощью чистого красного железняка или магнитного железняка. 110: Как ухаживать за медными деталями? С помощью силикатного известняка [Rottenstone]. 112: Можно ли начинать каждый мушкетный замок красным железняком? Нет, но он должен иногда чиститься известняком [Binsenstein] и затем протираться. 116: Как нужно ухаживать за механизмом замка, чтобы содержать его в рабочем состоянии и предупреждать появление ржавчины? Его надо часто протирать с оливковым маслом, то же делается со всеми винтами и даже со стволком мушкета. Предыдущий вопрос касается того же предмета. 115: Разрешается ли чистить ствол с помощью шлопта? Нет, потому что он может повредить оружие. Тема заканчивается вопросом 117: Что должно быть сделано, когда избыток масла протек дальше? Тогда нужно протереть все насухо с помощью куска материи. Санитар готовит себе еду в походном котелке [Feldkochgeschint] образца 1771 г., который весит 3,71 кг и был рассчитан на порцию для четырех человек. Лазер каждого полка имел четыре маленьких белых квадратных «лазерных флагов» с номером полка. Согласно инструкции, они должны были иметь кайму красно-красного цвета, но чаще бывали отличительного полкового цвета.

многочисленная вражеская кавалерия... Внезапно враг ввел в действие против нашего фланга предварительно замаскированную батарею, и мы оказались под картечным огнем... От полка осталось меньше трети штатного состава, но мы сумели сохранить наши знамена... На поле битвы не осталось ни одного солдата, который не был

мертвым или раненым. Чтобы отступить, нам пришлось продолжить наш путь через горящий Маркграфензидль. Среди языков огня, преследуемые залпами вражеских пушек, мы только с большим трудом могли удерживать наших солдат в слабом подобии строя... и таким образом, продолжая сражаться, мы отступили назад».

В таких литейных формах получалась пуля в виде шара с дополнительным выступом, который позволял зафиксировать её в патроне.

Сражения 1809 г. стали концом эпохи, в которой кавалерия играла в бою решающую роль: в битве у Асперна полковник Кёниг из 33-го пехотного полка увидел вражескую конницу, надвигающуюся на 1-й батальон. «Я заключил свой короткий и сжатый спич указанием, что никто не должен открывать огонь без моей команды... Как только кавалерия противника приблизилась на расстоянии 50 шагов, я приказал: «Первая шеренга, ружье на руку! Вторая шеренга, целься, пли!» Когда враг резко остановился и я затем подался назад, я приказал: «Прекратить огонь!» Все команды выполнялись так, как если бы дело происходило на учебном плацу... Затем я распорядился, чтобы никто не покидал строй, во избежание случаев мародерства с телами павших офицеров».

«Хотя времени для формирования "массы" не хватало, батальон 2-го пехотного полка с большим самообладанием ожидал нападения конницы, со взятием наизготов-

ку штыками. Враг приблизился на расстоянии 30 шагов, но, видя наш строй, оцепеневшийся стал, заколебался и начал притормаживать своих лошадей. В этот момент хорошо нацеленный залп из наших мушкетов привел ряды всадников в полный беспорядок, и им пришлось отступить назад; впрочем, отойдя на небольшое расстояние, они стали перестраиваться. Поскольку ожидался следующий удар, мы, не обращая внимания на картечный огонь, сформировали "массу", и позиция была удержана».

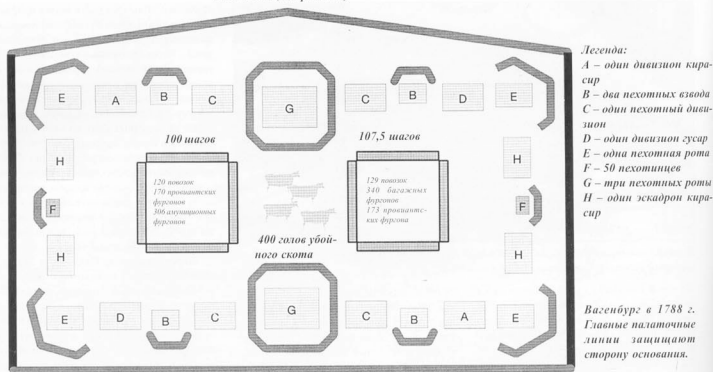
Доверие войск к тактике действий массированными подразделениями возросло 5 июля 1809 г.: «Один из адъютантов эригерцога Карла крикнул: «Добровольцы, шаг вперед!». Немедленно почти вся рота капитана фон Маркса была готова идти за ним... Мы посчитали, что лучше всего будет атаковать вражескую батарею, которая продвигалась по пшеничному полю перед нами, и с оглушительным криком мы ринулись вниз

по склону... Нам поставили задачу прикрывать переправу через Руссбах, но приказали не открывать огонь, пока враг не приблизится... Перестроившись в стрелковую цепь, укрывшись за ивовыми деревьями и высокими хлебами, мы с нетерпением ждали команды, готовые открыть огонь в любую минуту. Растительность частично защищала нас от пушечных ядер, но не от мушкетных пуль и картечи, которыми противник обстреливал место нашего расположения. Больше часа мы находились под нависшим ужас залпами пушек, снаряды которых пролетали над нами... Враг уже значительно приблизился к нашей позиции. Застрельщики были отозваны от Руссбаха и отошли за первую линию (фон Эисе, 47-й пехотный полк).

Передвижение из Калдiero в 1813 г.: «Подполковник 63-го пехотного полка повел первый батальон в наступление на Вааго. 1-я рота рассредоточилась в стрелковую цепь... под командованием отважного капитана Кейбеля они отбросили врага назад, в то время как другая часть батальона атаковала мост. [Они не могли выбить противника с этой позиции.] Капитан Кейбель, который в это время продолжал теснить назад вражеских застрельщиков, находившихся перед ним и справа... увидел эту заминку и, не дожидаясь приказа, перешел вброд через Пронию перед самым лицом врага... находясь под сильным обстрелом, сумел отбросить их». [19 октября у Вероны] «оба батальона сформировали фронт перед Сан-Мартино, в то время как два дивизиона на левом крыле остались с ротами, построеными по-шелонно, чтобы прикрыть левый фланг. Было замечено, что противник успешно подкрепил свое правое крыло, чтобы атаковать наш левый фланг. Я немедленно выступил с этими двумя ротами в направ-

Полковой оркестр, 1814 г. После упразднения в 1806 г. флейтистов, штатный состав оркестра насчитывал около 10 барабанищиков и до 38 музыкантов, которые среди прочего могли сыграть народную «Турецкую музыку» на различных инструментах, включая буючук [Schellenbaum] (в центре) и большой барабан (справа).

Легенда:

A – один дивизион кирасир
 B – два пехотных взвода
 C – один пехотный дивизион
 D – один дивизион гусар
 E – одна пехотная рота
 F – 50 пехотинцев
 G – три пехотных роты
 H – один эскадрон кирасир

Ваггенбург в 1788 г.
 Главные палаточные линии защищают сторону основания.

1250 шагов (159 розаток)

ленин Мадонна делла Компанья, перестроил шесть взводов в стрелковую цепь, оставив два взвода в резерве, с дивизионом 4-го пехотного полка в качестве поддержки позади них... Поддержанный жестким артиллерийским огнем, враг попытается атаковать своим правым крылом, используя многочисленную кавалерию, но я быстро стянул застрельщиков в "сгустки" [Klumpen] и с помощью резервов сумел отразить удар.

Несмотря на все трудности и лишения в кампании 1812 г. в России, австрийцы сумели одержать победу в сражении при Городечно (11 августа). Две роты егерей и граничар прикрывали батальон 58-го пехотного полка, когда он захватил деревню, имея в резерве батальон 39-го пехотного полка. «В критический момент, принц Гессен-Гомбург повел 33-й пехотный полк через болото выше Поддубин, чтобы помочь теснимой русскими саксонской бригаде. Двигаться было тяжело: солдаты погружались в воду по пояс, а картечные залпы то и дело достигали их. Но батальон храбровцов под командованием майора Порубски достиг правого берега болота, поднялся на холмы и атаковал правый фланг русских. Попав под удар русской кавалерии, батальон постепенно отступил к краю болота. Но здесь он был подкреплён 2-м батальоном, который тем временем добрался сюда, так что полк смог удержать свою позицию... Под прикрытием батальоном "массы" 19-го пехотного полка, бригадная батарея быстро выдвинулась вперед, и одновременно несколько рот легкой пехоты были направлены к холмам на левом фланге, в хорошо заметный промежуток, образовавшийся между двумя бригадами. Фельдмаршал-лейтенант Бианки приказал майору Шценгванну с двумя ротами 19-го пехотного полка закрыть эту брешь и предпринять наступление на холмы, где закрепились русские. Все эти силы соединились, намереваясь атаковать противника... Заметив у себя на фланге

опасность, русские начали отступать».

Составляя обычно армейский резерв, гренадеры часто использовались для наступления на ключевые позиции. В ходе битвы у Лейцига в 1813 г. Шварценбург развернул 1-ю бригаду в три батальонные "массы" на холмах направо от дороги. Две бригадные батареи встали перед фронтом, с высланными вперед застрельщиками; за ними расположилась 2-я бригада, а орудия позиционной батареи были установлены у Марклеберга. Батальоны Бианки отошли назад в беспорядке, когда гренадерский батальон Калла выдвинулся, чтобы атаковать Делиц: «Было невозможно захватить селенные силами единственной наступающей колонны... [Две роты] должны были прорываться по дороге, ведущей в Делиц вдоль реки, а остальная часть батальона должна была следовать за ними в качестве поддержки. Мы добились успеха в первой атаке, нанеся штыковой удар» (капитан Рамберг).

Подосевшие к противнику подкрепления отнеслись австрийцев назад, пока к ним на помощь не пришли гренадерские батальоны Фишера и Портнера. Селение было заполнено убитыми и ранеными французами и поляками, на земле валялись брошенные в огромном количестве мушкеты, а окрестные поля были усеяны многочисленными телами павших солдат».

Обер-лейтенант Ржиб из 3-го батальона 63-го пехотного полка описал армию, так преобразившуюся по сравнению с 1788 годом: «7 февраля 1814 г. у Валеждо [где вражеская кавалерия атаковала в направлении нашего левого крыла], роты были построены в боевую линию; бригадный командир, генерал-майор барон Стутгеркейм, подъехал к нам и приказал, чтобы сформировали дивизионные "массы", затем повернул их влево и направил в сторону врага; мушкеты должны были быть заряжены во время мар-

ша. Дивизион 4-го пехотного полка "Дойчмейстер" маршировал прямо вперед, а дивизионы 3-го пехотного полка эрцгерцога Карла и 63-го пехотного полка Бианки уклонились влево; благодаря этому маневру, дивизионные "массы" оказались выстроенными в шахматном порядке [en echiquier], и батальон сформировал правое крыло. Когда в ожидании удара вражеской кавалерии мы заняли это положение, [двоякие дружные эскадроны] уже приближались к нам легким галопом. На скаку они развернулись для атаки и тут же обрушились на конницу противника... После того, как кавалерийская стычка закончилась, так и не услышав ни единого выстрела, мы подумали, что противостоящие нам силы врага ограничиваются только кавалерией... вражеская артиллерия открыла огонь; немедленно после этого посыпалась мушкетная пальба, и появилась пехота противника, построенная в колонны; началось наступление. Вражеские застрельщики выдвинулись вперед и разместились маленькими группами среди зарослей тутового дерева... и открыли прицельную стрельбу по нашим "массам", поддерживаемые несколькими артиллерийскими орудиями. Наши "массы" также выслали вперед стрелков; четыре пушки, которые были приданы бригаде, снажи с передков и установили на позиции... теперь перестрелка стала всеобщей. Противник постепенно развернул свои силы в более длинный фронт и вынудил нас расширить "массы", передавая к разкомандованному строю. Из-за превосходства врага в живой силе, а также потому, что они угрожали обойти наш правый фланг, батальон постоянно должен был маневрировать, перемещаясь вправо, влево или назад и снова устремляясь в атаку. Бой продолжался весь день, сопровождался сильнейшим орудийным и мушкетным огнем.

Раненые и военнопленные

Последние сражения характеризовались очень высоким уровнем потерь. В селении Асперн раненые «выбирались из домов и, еле волоча ноги, брели вдоль стен, используя мушкет в качестве подпорки... к воде или к кузнице... Там работал хирург, много ругавшийся, но мало что умеющий делать, со всех сторон окруженный мертвыми. И поэтому всегда требовались свежие батальоны».

Но еще худшие картины можно было видеть в битве при Ваграме: «Мы потеряли 689 человек, причем в это число вошло много солдат из тех, которые были принесены во временные лазареты, устроенные в сараях в Марктрайфайнде, и там горели сражившие, когда вражеская артиллерия бомбардировала селение. Крики этих уже безоружных и беспомощных жертв боя заглушали издаваемые грохот сражения и леденели мою душу» (парапорщик Бечени, 4-й пехотный полк).

В ходе кампании, полевые госпитали [liegende Spitaler] следовали за армией и разворачивались на каждой большой стоянке войск. В санитары зачислялись солдаты-полунавальды и солдатские жены, если последние не имели никаких изживенцев и не были «слишком молоды и привлекательны». В сражении, полевые лазареты, каждый под руководством штаб-хирурга [Stabs-Chirurg], устраивались позади центра и флангов позиции и обозначались флагами; все раненые направлялись туда. Если число раненых превышало их вместимость, часть пострадавших переводилась в тыл, где размещались полевые госпитали, в распоряжение которых передавались разгруженные провиантские фургоны. Штаб госпиталя включал двух штаб-хирургов и их ассистентов. Они располагались в двойных палатках, хижинах из досок, построенных плотниками [Zimmerleute] или домах близлежащих селений. Организованные армейским хирургом [Proto-Chirurg] в последний момент, такие госпитали часто размещались в холодных и сырых церквях, обветшалых замках, сараях и даже хлевах. Тяжелораненым оказывалась первая помощь, после чего они отправлялись в главные госпитали. Если не имелось крытых санитарных повозок [ambulances], несчастные перевозились на реквизированных телегах или свободных провиантских фургонах.

Раух получил ранение в битве у Валад-жо (25 декабря 1800 г.): «вражеская мушкетная пуля попала мне в правое бедро, оторкошетирила от него, скользя по ребрам и застряла в правой стороне груди... Немедленно я был подхвачен под руки двумя моими солдатами и унесен прочь. Дувство... которое я ощутил в первый момент после ранения, не было особенно болезненным; что-то вроде куса горячего железа попало в холодную воду. Но вскоре я почувствовал ужасный спазм, который сжал мою грудь и почти не давал мне дышать. [Отнесенный в тыл] я немного отдохнул и... позволил одному из моих флореров насыпать немного пороха из мушкетного заряда на

мою рану, что, как он уверил меня, предотвратит возможное заражение кровью».

В ранний период Революционных войн, сотням раненых приходилось лежать на земле под открытым небом в ужасную погоду. Главные госпитали выглядели не лучше: «Раненые лежали на соломе, без присмотра врачей, часто вообще без какого-либо ухода, и даже почти не получая пищи... они могли там лишь безропотно умирать, как бездомные собаки. Только за два с половиной месяца в одном Брюссельском госпитале умерло столько же людей... как в сражении, немногим меньше по масштабам, чем при Неврвиндене [3,000]» (Эрнст Карл, 1793 г.).

Положение дел не изменилось к лучшему в 1800 г.: «В зимние морозы раненые солдаты лежат прямо на холодном камennom полу, без всякого ухода. Там не было никаких врачей или постоянных служителей». Эрнст Карл попробовал улучшить ситуацию, учредив в 1808-1809 гг. четыре гарнизонных госпиталя, а в кампанию каждый полк должен был сопровождать походный лазарет, размещенный в отдельном фургоне, где могла оказываться первая помощь. В 1812 г. приданные полкам специальные транспортные повозки могли перевозить по шесть раненых солдат, уложенных на соломенную подстилку, из походных лазаретов в госпитали. В Галиции были устроены четыре госпиталя на тысячу коек каждый, к которым затем добавились шесть меньших, способных вместить по 150 раненых.

Операционная хирургия ограничивалась ампутацией конечностей, хотя отдельные хирурги иногда прибегали к зондированию ран с целью извлечения пули. Доставленный в конце концов в Валад-жо Раух оказался у гостиницы, которая была все заполнена ранеными. «Я попросил стакан воды – я ничего не пил целый день – и помощу врача, поскольку полковой доктор отправил меня в тыл без перевязки... Штаб-хирург Нобис исследовал мою рану; он ввел туда зонд, но вскоре объявил, что не может извлечь пулю, не подвергая опасности мою жизнь, поскольку я уже потерял много сил... Так что он просто сделал мне фиксирующую повязку из дерюги [hessian] – обычного перьевочного материала для солдат – и, уходя, велел мне быть мужественным и отдыхать».

В соответствии с уставами, запрещалось дурно обращаться с военнопленными, но эти положения не всегда соблюдались. Два батальона 4-го пехотного полка, попавшие в плен в 1794 г. в ходе сражения у Ландренци, оказались заключенными «в ужасных условиях в бездействующих церквях, заброшенных сараях и хлевах для животных. Они лежали на голой земле... не имея никакой защиты от всех напастей суровой зимы, поскольку эти помещения не могли быть натоплены, а обмундирование солдат изнашивалось до такой степени, что едва прикрывало этих несчастных... все испытывали недостаток одежды и обуви. У двери стояла бадья для воды, которая наполнялась один раз в день – никому не позволялось покидать помещение по нужде... Небольшим

группам пленных удалось бежать и добраться до границ, двигаясь по ночам вдоль дорог... Эти храбрые воины были полностью разуты и источены лишениями и опасностями, которые им пришлось пережить». Из всех захваченных в плен 500 человек исчезли навсегда.

Если в течение осады Генуи в 1800 г. Массена не обращал внимания на то, что несколько тысяч пленных, содержащихся в тюремных блоках на рейде, доведены до голодной смерти, то Наполеон увидел их положение. Военнопленные, возмущенные сменой дома после окончания войны Второй коалиции, сообщали, что с ними «обрабатывались очень хорошо, выдавая ежедневное содержание в размере 50 су [французская мелкая монета] для капитанов [Hauptleute – капитан, командующий ротой], для оберлейтенантов – 38 су, унтер-лейтенантов и прапорщиков – 27 су, фельдфебелей – 8 су, капралов – 6 су, ефрейторов – 4 су, рядовой – 3 су... Солдаты содержались в каких-то подобных казарм и даже обеспечивались хлебом».

Некоторые французские военнопленные отправлялись даже в такие отдаленные местности как Пешт в Венгрии и восточные крепости, но все больше с обеих сторон получала распространение практика отпускать солдат и офицеров под честное слово, обязывающее их снова не участвовать в боевых действиях в течение одного года и одного дня. Часто после переговоров происходил обмен военнопленными, иногда в армию в результате этого возвращалось большое число солдат. Ражбу пришлось взять в Моравию 400 тысяч солдат из различных полков, где они были снова экипированы и возвращены в строй к моменту Ваграмской битвы. Однако, в 1813 г. недостаток снабжения у французов заставил голодать австрийских военнопленных, захваченных в ходе битвы у Дрездена, и это было использовано, чтобы вынуждать их завербоваться в ряды французской армии.

Последствия

Один офицер в воспоминаниях отразил свои приоритеты после победы в битве у Асперна: «По истечению трехдневного боя действительно ощущался сильный голод, но еще больше желанной была возможность выспаться после сражения». Следствием отступления после поражения у Ваграма стало еще одно испытание: «Измотанные остатки нашего храброго полка [49-го пехотного...] отсутствовали к Бюфлюсу, где мы наконец смогли хоть немного отдохнуть. Здесь же нам удалось добраться до чистой воды – ведь, несмотря на сильные дожди [прошедшие ночью 4/5 июля], [5 июля] погода была настолько жаркой, что не осталось ни одной лужи; наши шершавые языки могли только касаться первенных губ; мало того, поскольку мы ничего не ели в течение 48 часов, нас начал мучить голод».

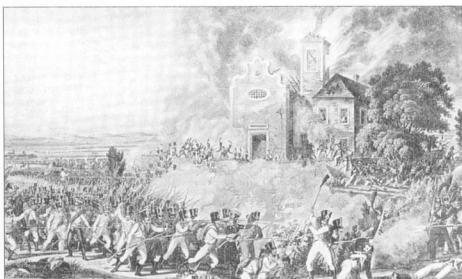
Если армия организованно отошла, то раненые были предоставлены сами себе.

Венские горожане отправились на поле битвы, чтобы позаботиться о раненых с обеих сторон. Многие австрийские солдаты, спасаемые иссушающей лихорадкой, просили французов заколоть их. Некоторые пролили французам, но большинство соглашалось принять предложенную им воду. После битвы у Аустерлица, раненые подползали к кострам французских бивуаков, чтобы спастись от холода. Солдаты, которые еще недавно часами сражались друг против друга, теперь вместе сидели вокруг огня.

Теперь наступала реакция на сражение. Дядя Фридрих барона Бечени из 4-го пехотного полка Ваграмская битва стала первым в жизни боем: «Мне хотелось бы продолжать оставаться в стенах Нейштадтской академии... Сегодня я не чувствую ничего, кроме иллюзии, что я все еще сжимаю древно знамен в своей руке... Лейтенант барон Бесслер спросил меня, как я переноше это тягостное отступление. Я только покачал головой».

Отступление приводило к дезорганизации армии. После поражения в битве у Дрездена (26 августа 1813 г.) майор Загитшек из 15-го пехотного полка писал: «Поскольку в течение нескольких дней непрерывно шли ливневые дожди, ночной марш через Тарандтерский [Tharandter] Лес, где мы зачастую оказывались по пояс в воде, был особенно труден для войск; солдаты, полностью промокшие, измотанные плохими дорогами, то и дело отставали от строя, что создавало значительный беспорядок. При развертывании на предписанной позиции, мы выглядели ужасно... Мы ничего не ели в течение 24 часов, провиантские фургоны давно исчезли из виду. Дороги были совершенно разбиты, армия уже исчерпала все запасы, которые удалось развязать в окрестных селениях. Отставшие грабдили дома и плохо обращались с местными жителями... Каждый беспокоился только за себя и был благодарен товарищу, если тот делился с ним куском хлеба или сырой репы, которые удавалось раздобыть. В течение двух дней я жил на этой репе, которую нашли в поле солдаты. Многие солдаты разбредли по лесу, и их удалось вновь собрать только благодаря сигналам горнов».

Окончание кампании означало возвращение войска назад, в свои гарнизоны. Солдаты, которые признавались ограниченно годными к службе, переводились в третьи батальоны; те из них, кто остался с одним глазом, или получил увечья вроде негнущихся или несохших конечностей, или перенес золотуху [scrofula], получали статус «полунвалиды» и направлялись в гарнизоны или кордонные (предназначенные для поимки дезертиров) батальоны. Солдаты признавались инвалидами только в соответствии со строгими критериями, согласно заключениям армейских докторов. Зачастую они оставались в полку в качестве офицерских слуг или лазаретных служителей. В виде альтернативы, они могли покинуть армию с выходным пособием в 50 гульденов или отправиться в один из Инвалидных домов, которые были рассчитаны на прожи-

Уже потерявший боевой порядок, 31-й пехотный полк штурмует горящую церковь в Асперне. Отдельные солдаты носят свои шпелы в скатках через плечо, чтобы защитить себя от сабельных ударов.

Многонациональные группы исторической реконструкции полков австрийской армии (Ватерлоу, 1995 г.): зренадеры 2-го пехотного императора Всероссийского полка (Словакия); 2-й батальон 4-го пехотного полка «Дойчмейстер» (Великобритания); зренадеры 1-го пехотного полка Кайзера (Чешская республика); 20-й пехотный полк Кауница (Чешская республика); 56-й пехотный полк В. Коллоредо (Италия). Из других частей были представлены: артиллерия (Чешская республика); 44-й пехотный полк Бельгюджоско (Италия); 1-й егерский полк (Великобритания/Австрия); сусары (Венгрия).

вание 220 офицеров и 3,670 солдат; там они получали денежное пособие и хлебный рацион, но их размер был меньше даже норм мирного времени. Грамотные отставники могли заниматься вербовкой рекрутов или административной работой, а отдельные лица, самые предприимчивые, поддерживались в занятых торговлей.

Пособие в размере жалования за три месяца [Stergquarte] выдачивалось вдове или детям, а при отсутствии детей перечислялось в инвалидный фонд. Солдаты, завербовавшиеся в армию после 1802 г., после окончания срока действия их контракта получали выходное пособие (см. таблицу в тексте).

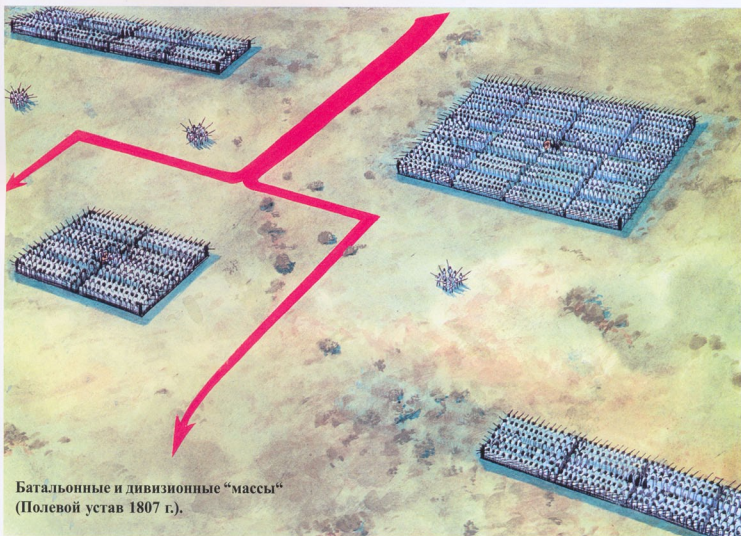
Эпоха почти непрерывных войн, продолжавшаяся двадцать четыре года, закончилась в 1815 г. 4-й пехотный полк «Дойчмейстер» участвовал в 90 сражениях против французов, при этом потери составили почти 200 офицеров и более чем 5,000 солдат. Но для офицеров бедствия продолжались; к их числу относились «унтер-лейте-

нант Немет, которого захватившие его в плен в 1815 г. французы толкнули в огонь, вследствие чего он потерял левый глаз, нос и часть верхней губы. Он был вознагражден за свои страдания ежегодной пенсией в 200 гульденов».

Ослабленные некомпетентными политиками, плохими финансами и нехваткой снаряжения, победители в сражениях при Неренвидене, Вюрцбурге, Нови, Стокахе, Асперне и Лейпциге вынесли всю тяжесть борьбы на европейском континенте, заставив Наполеона уважать себя даже в поражениях в битвах при Маренго и Ваграме. Один офицер мог только удивляться, как могла армия «состоявшая из венгров, хорватов, трансильванцев, итальянцев, богемцев, моравов, поляков, валахов, словенцев, австрийцев, штирийцев, каринтийцев и цыган маршировать под одним знаменем и сражаться во имя цезаря, о которой не знали ничего». Тем более замечательными выглядят их свершения.

Батальонные застрельщики
(Полевой устав 1807 г.)

Батальонные и дивизионные "массы"
(Полевой устав 1807 г.).

Венгерский гренадер и сапер (пионер), 1798-1816 гг.